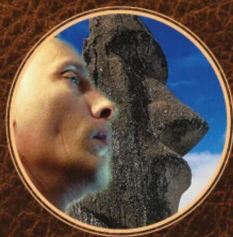

ВЛАДИМИР СТАРК

НЕДОСТАЮЩИЕ
ФРАГМЕНТЫ
КАРТИНЫ
МИРА

2022 А.Д.

Владимир Старк

Недостающие фрагменты картины мира

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70026718
SelfPub; 2023*

Аннотация

Только нравственная высота Бога может дать Ему моральное право на безусловное превосходство, на безусловное доверие и почтительность человека. В руки такому Богу можно было бы спокойно вверить и мир, и себя. Но для того чтобы допустить истинность евангельского образа Бога, следует хотя бы обосновать резонность человеческих страданий, попускаемых Богом, объяснить их бытийную неизбежность, объяснить логично и рационально, безо всяких мифологических благоглупостей. На этот, и другие «проклятые вопросы», которые порождают насмешки атеизма и демагогический лепет богословия, мы и попробуем далее ответить...

Содержание

За что можно уважать Бога	5
О целесообразности страданий	10
О целесообразности злой воли	18
Почему Бог не пресекает зло	26
Как я в аду побывал	31
Человек – это его память и его воля	37
Как познать истину и стать свободным	46
Клановая любовь или клановый эгоизм	54
Вот и вся любовь	61
Комар совести	66
Гордость и скромность. Невидимые гиганты	75
Нравственность насилия	88
Молох неумеренности	96
Таинство лицемерия	104
Догматика и математика	109
Закон Божий. Два кодекса	116
Нужны ли Богу рабы?	121
Зачем Богу наша моральность	131
Так называемая любовь к Богу	138
Заповеди Божьи и заповеди человеческие	145
Языческая Церковь истинного Бога	158
Обожение. Не высоко ли человек мостится?	168
Механизм Искупления	177

Владимир Старк

Недостающие фрагменты картины мира

*Разумный человек видит то, что́ едино во всех
верах, глупый же видит только то, что́ в них
разное.*

Лев Толстой

За что можно уважать Бога

Добиться уважения, славы, общественного признания можно тысячей разных способов, но пасть во мнении окружающих можно только нравственным падением, даже если это падение будет основано на клевете. Очернить человека можно, только открыв что-либо безнравственное в его словах и поступках. И если обнаружится, что человек, вызывающий всеобщее восхищение, жесток, эгоистичен, подл, лжив, лицемерен, агрессивен, преступен, то неизвестно, что перевесит в его оценке: восхищение его талантом или презрение к его моральному облику. При определенных обстоятельствах люди могут относиться с уважением и к откровенным подонкам, но такая беспринципность обычно порождается клановой солидарностью, личной заинтересованностью

или нравственным бесчувствием.

Кто выше: мерзавец с высоким социальным статусом или маленький, но благородный человек? Например, Бетховен высказался по этому вопросу категорично: «Я не знаю иных признаков превосходства, кроме доброты».

Нравственное чувство дает нам странное в своей бездоказательной неоспоримости свидетельство того, что моральное превосходство превышает любого другого превосходства, что моральное превосходство – это превосходство правды, правоты и справедливости, даже если мы не можем ни предметно определить атрибуты нравственного, ни хоть сколько-нибудь объективно измерить их.

А если проблему морального превосходства перенести на Бога...

Человек поклоняется Богу из страха и выгоды, потому что от Бога зависит благополучие человека. Но чего стоит почитательность, основанная на страхе и корысти? А нравится ли Богу раболепие расчетливых и трусливых лицемеров? А вдруг абсолютная власть над миром принадлежит Существованию недостойному: честолюбивому, тщеславному, надменному, бездушному, жестокому, мстительному? Ведь страдания и несправедливости всего мира во все века как бы и свидетельствуют о Боге не очень хорошо. Что если Бог действительно тиран и самодур, которому наплевать на человеческие страдания, но которому очень нравятся страх, лесть и раболепие? Заслуживает ли Он в таком случае хотя бы пренебрежитель-

ной снисходительности со стороны человека? А если человек может быть морально выше Бога, то не является ли это превосходство человека над Богом фактическим, безусловным превосходством?

Тезис о внеморальности Бога, оставляет за Богом право быть бездушным, жестоким и мстительным Тираном. Например, сделать бытие человечества трагичным и глядеть на вечные страдания миллиардов людей, наслаждаясь местью за то, что один такой простодушный человек много тысяч лет тому назад укусил его яблоко. Внеморальный Бог не заслуживает даже уважения со стороны человека, знающего цену добра и зла. А впрочем, до претензий ли к моральному облику Бога, когда надо свою шкуру спасать, тут и Великому Садисту поклонисься.

Почему у верующих не возникает моральных сомнений о Господе, который более всего желает, чтобы люди Ему поклонялись и нахваливали Его? А зачем Ему это надо? А надо ли? А не потому ли Господь так ревностно относится к поклонению человекам, что это человек создал Бога по образу и подобию своему? Человек вылепил образ Божий сообразно привычному типуажу человека-господина: властолюбивого, тщеславного, любящего раболепие. Такой Бог для нравственно уродливого человека совершенно естественен, вот человек и не задаётся вопросами о Его моральном облике. Богословие старается смягчить ветхозаветный образ Бога лестью, но пользовательский образ Бога не в догмати-

ческих комплиментах, а в обыденной модели вероисповедания, в менталитете рядового верующего, для которого Бог – это мелочный и мстительный Тиран – Законник, непрестанно посылающий человекам наказания, но которого в лучших традициях человеческого лицемерия следует называть любящим Отцом.

В богословской традиции нет проблемы теодицеи. Нет темы оправдания Бога за существование зла и страдания в мире, который Он создал. Проблему теодицеи богословие решает очень просто: «за грехи». И всё. Вопрос закрыт. Вот, например, злой господин с мерзким нравом бьёт раба в своё удовольствие, а раб не смеет даже задать вопрос: «за что?», только приговаривает про себя: «за грехи, за грехи, за грехи». Примерно такую позицию и занимает Церковь по проблеме зла и страдания. Однако в библейской книге Иова Господь предпочёл позицию Иова, задававшего Ему трудные вопросы, а не позицию его друзей, предлагавших Иову страдать безропотно.

Если мы взглянем на образ Божий явленный в Сыне, то легко заметим, что рабское поклонение Богу без надобности, и не потому что Господь большой либерал, а потому, что в демонстрации рабского ничтожества нет ничего доброго и даже смирения нет, но есть только желание польстить Великому Честолюбцу своим раболепием. Совершенно очевидно, что человек исчезающе ничтожен перед величием Создателя, и в выпячивании этого факта нет никакой морально-

сти, но есть театральное смирение, в котором церковная традиция усматривает великую добродетель. Упование на возможность обольстить Бога своей рабской униженностью – тщетно, ибо честолюбие чуждо и противно Богу. Смирение своей гордыни перед ближним – вот истинное смирение перед Богом, и это не благочестивое пустозвонство, так Иисус учил.

Из новозаветного Откровения человеку стало известно, что Бог есть Любовь, что Бог нравственно совершенен. А вот нравственная высота могла бы дать Богу моральное право на безусловное превосходство, на безусловное доверие и почитательность человека. В руки такому Богу можно было бы спокойно вверить и мир, и себя. Да и знать о Боге человеку ничего более не надо, всё богословие было бы гораздо достоверней, если бы исходило из одного только этого представления о Боге.

Но для того чтобы допустить истинность евангельского образа Бога, следует хотя бы обосновать резонность человеческих страданий, попускаемых Богом, объяснить их бытийную неизбежность, объяснить логично и рационально, без всяких мифологических благоглупостей. На этот, и другие «проклятые вопросы», которые порождают насмешки атеизма и демагогический лепет богословия, мы и попробуем далее ответить...

О целесообразности страданий

Человеческие страдания обусловлены тремя типами причин:

Злая воля другого человека.

Дискомфортность мироустроения.

Неудовлетворенные желания.

Для тех, кому третий пункт показался неуместным, приведу несколько цитат.

«Страдание есть результат несоответствия между желаемым и имеющимся».

Х. Марти

«Желание по природе своей – страдание».

А. Шопенгауэ

«Суть несчастья в том, чтобы хотеть и не мочь».

Б. Паскаль

«Нет беды тяжелее незнания удовлетворения».

Лао-Цзы

«Люди обыкновенно не столько наслаждаются тем, что им дано, сколько горюют о том, чего им не дано».

В. Белинский

Как это ни парадоксально, но стремление к довольству, счастью и благополучию само по себе является недоволь-

ством, несчастьем и неблагополучием, и чем сильнее страсть к преумножению своих благ, тем сильнее страдание. То, что мы воспринимаем как недостаточность нашего бытия – это, как правило, лишь страдание нашей ненасыщаемости, которую невозможно удовлетворить, как невозможно потушить пожар соломой.

Если человек болен или голоден, то он страдает по объективным причинам. Если же человек не болен и не голоден, то желания, превосходящие эту меру благополучия, несут страдание уже в самих себе. Чувство достаточности бытия (счастье) определяется не мерой благополучия, но бесстрастным отношением к мере своего благополучия.

Господь Бог мог бы сделать наш мир сколь угодно изобильным, но Господь не в силах насытить неумеренность даже одного человека, поскольку невоздержанный человек ненасытен в своем стремлении к удовольствиям, комфорту и богатству. Как нет предела совершенству, так нет предела и совершенству того, что человек невоздержанный мог бы хотеть. Исход человеческой неумеренности возможен разве что в безраздельном потреблении благ всего мира, или как гласит даргинская пословица: «Был бы мир пловом, а я – ложкой».

Господь Бог мог бы сделать наш мир сколь угодно изобильным, но преизобильность была бы убийственна для жадного, ленивого, невоздержанного человека. Невоздержанный человек пропал бы в условиях совершенного изоби-

лия, как капризный ребенок в условиях абсолютной вседозволенности, или как наркоман при неограниченном доступе к наркотикам.

Преизобильность бытия безопасна только для человека, относящегося бесстрастно к удовольствиям, комфорту и богатству, и чем аскетичней человек, тем полнее мера преизобильности допустимо-безвредная для него. Неприхотливость делает человека пригодным для бытия в преизобильном мире. Вот такой вот парадокс...

Если бы наш мир был преизобилен, то человечество, вероятно, уподобилось бы свиньям, которые от неумеренного питания, бывает, даже теряют способность стоять на ногах, или крысам из известного опыта, в котором грызун, нажимая кнопку, получал удовольствие через вживленный в его мозг электрод. Крыса жала на кнопку до тех пор, пока не умирала от истощения. Ну ладно крыса, но человеку-то заранее известно, например, о смертельной опасности вредных привычек, но тем не менее человек им предается. Так если даже страх болезни и смерти не останавливает человеческую неводержанность, то возможно ли ее как-либо искусственно ограничить?

Порок неумеренности, как и любой другой, преодолевается всеми по-разному. Иной, чуть только преодолевает опасность голода, как тут же освобождается от пристрастного отношения к деньгам, а иной душится за каждую копейку даже если у него полные сундуки и банки добра. И это было

бы ещё пол беды, но человек алчный за каждую копейку души и окружающих. Вспомним что большинство подлостей и преступлений имеют в своей основе именно материально практические интересы. Социальная гармония, мир и согласие в весьма значительной степени разрушаются человеческой неумеренностью, жадностью, прихотливостью. В ситуациях нравственного выбора между желанием и человечностью Богу и открывается, кто какую меру подлости, эгоизма и жестокости готов заплатить за свои интересы.

А кроме того, неполнота нашего мира принуждает человечество к такой вечной и всеобщей тяготе как труд, к необходимости преодолевать дискомфорт трудовых усилий, начиная с детства, с первого класса начальной школы. Труд дает человеку пищу не только для тела, но и для ума. Принужденность к труду вынуждает человека проявлять изобретательность и смекалку, накапливать знания и творчески их применять. Принужденность к труду пробуждает и развивает в человеке его творческое начало, его ум и таланты. Труд, создавший великие цивилизации, науку, технику, культуру, в условиях преизобильности, вероятно, даже не появился бы как явление.

Если бы мир был преизобилен, и человеку никогда и ничего не надо было преодолевать, то он в праздной бесцельности бытия так и остался бы животным. В доказательство этого смелого утверждения рассмотрим реальный, а не книжный опыт детей-маугли. Опыт детей-маугли свидетельству-

ет о том, что человеческое существо способно деградировать до животного состояния за одно поколение, что в человеческом детеныше заложен только потенциал стать человеком, но ничего априорно человеческого в человеке от рождения не заложено. Все животные от рождения при любых обстоятельствах остаются представителями своего вида, а человек нет. Человеческий детеныш, воспитанный в стае обезьян, становится обезьяной в самом буквальном смысле этого слова. Труд так и не сделал из обезьяны человека, принужденность к труду так и продолжает поддерживать человечество в его видовом состоянии.

Опыт детей-маугли очень интересен и странен как в теологической парадигме, так и в антропологической. Он свидетельствует о том, что человек не рождается человеком, человеческий младенец становится человеком, из рук в руки, от слова к слову, от сердца к сердцу, впитывает человеческое с молоком матери. Один Бог ведает, как происходит эта эстафета человечности.

А каким бы стал человек выросший в условиях райской преизобильности, в таких условиях, в которых нечего преодолевать, нечего добиваться, не к чему стремиться, нечего даже хотеть и так из поколения в поколение? Отлучение человека от преизобильности рая – это не наказание, это начальная школа для существа, получившего вместе со знанием нравственного закона человеческий потенциал. Ведь если бы познание нравственного закона привело человека

к деградации, то разве изрек бы Господь: «Вот Адам, стал как один из Нас, зная добро и зло» (Быт.3:22). Человек не деградировал вместе со знанием добра и зла, просто понимание нравственного закона повлекло за собой всю полноту ответственности за свои действия, ту полноту ответственности, которую не могут нести существа неспособные понимать нравственный закон: ни животные, ни слабоумные, ни дети.

Дискомфорт от принужденности к труду столь велик, что первое, что приходит человеку в голову в его представлениях о Царствии небесном, так это возможность не работать, возможность благоденствия в праздности. Организация такой комфортной модели бытия для Бога не сложнее, чем организация нашего сурового мира. Проблема лишь в том, а стал бы человек человеком, если бы не ведал ничего кроме праздности...

Задумывающийся же о Царствии небесном чуть далее возможности не страдать от принужденности к труду, задумывается о том, а к чему он сможет приложить свои руки, свой опыт и умения, свою креативность и таланты, свою потребность в творчестве и созидании. Как это не странно, но человеческая принужденность к работе трансформируется в привычку трудиться, формируется она не у всех, не в равной степени и не во всех сферах трудовой деятельности, но такая тенденция явно прослеживается. А не Бог ли Творец просыпается в этой потребности трудиться, взамен естественной

человеческой потребности в праздности и безудержном потреблении?

Никто из родителей не считает, что лучшая педагогическая стратегия – это воспитание ребенка в лени и праздности. Хотя ребенок был бы и не против такой педагогической стратегии. А не такова ли модель отношений и у Бога с человеком в этом вопросе?

Можно ли считать наказанием понуждение ребёнка к учёбе? А если не получилось приучить ребёнка к труду, то можно ли считать наказанием изгнание выросшего лентяя, тунеядца и дармоеда из зоны его комфорта? Так может и отлучение человека от райского изобилия является всего лишь педагогической акцией в отношении бездельника, ставшего дееспособным, и обречённого на деградацию в условиях преизобильности?

А если даже отлучение человека от преизобильности Рая обусловлено всего лишь острой педагогической необходимостью, то наказывает ли Господь вообще хоть кого-нибудь? Например, если в семье алкоголиков родится ребёнок, то разве это Господь отяготит жизнь этого ребёнка в наказание за порочность родителей? Но именно на такого рода «закономерностях» и основана логика тех, кто представляет Бога мстительным устройтеlem страданий человеческих «до седьмого колена». Полное отсутствие причинно следственных связей, подтверждающих логику божьих наказаний для опытных демагогов не проблема. Если надо, то они легко на-

ходят божью волю и в благоденствии подонков и в страданиях праведных.

Христианство, в силу своей ветхозаветности, так и не додумалось до того, что Бог никого и никогда не наказывает. Жизнь в нашем дискомфортном мире и без злонамеренно организованных кар небесных полна «естественных» бед, тягот, болезней и страданий. Куда ж ещё-то наказывать? А поущение Божье (невмешательство в трагичный ход событий) можно в полной мере считать Его волей, если кому-то очень хочется верить, что всё зло от Бога. Богословская традиция прямо не декларирует что всё зло от Бога, но порознь все беды человеческие всегда приписываются именно Его «благой воле».

«Ученики Его спросили у Него: Раввӣ! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его». (Ин.9:2–3) Разумеется, те люди не были безгрешны, и придумать логику «наказания божьего» не составляло никакого труда. Однако, Спаситель заявил, что беда человека никак не связана ни с его неправедностью, ни с неправедностью его родителей. Но богословская традиция так до сих пор и продолжает видеть буквально во всех трагедиях, несчастьях и горестях козни Господни. А не богохульно ли представлять Бога таким зловредным, мелочным и мстительным организатором страданий человеческих? Ветхозаветному суеверу простительно представлять Бога таким, но христианину...

О целесообразности злой воли

Допустим, Адам и Ева не познали добра и зла, и дети их добра и зла так же не знали, в том числе и гордости, и таких её проявлений как ревность, зависть, стремление к превосходству. И вот принесли эти дети, согласно книге Бытия, свои дары Богу. И увидел Господь дары Каина, наморщил нос и сказал: «Фу-у-у, убери от меня свою вонючую репу, отведаю-ка Я лучше ароматного авелева шашлычка». И при этом ни один мускул не дрогнул на лице Каина, он как сидел с блаженной улыбкой на лице, так с ней и остался. Отвержение божье не вызвало бы у Каина никаких чувств и эмоций, потому что у него в принципе не было гордости.

Злые люди могут издеваться над слабоумным, оскорблять и унижать его, а ему будет только радостно оттого, что такие важные и умные люди с ним играют. Можно ли поведение слабоумного определить как смиренное? В определённом смысле да, но только как смирение слабоумия, в котором нет никакой добродетели.

Ревность и зависть – рефлексии сложные, а вот ситуация попроще... Идёт такой Авель, не ведающий добра и зла, по полю в гости к Каину, идёт прямо по его помидорной рассаде, потому что так путь короче, и никаких угрызений совести при этом не испытывает и испытывать не может, потому что представления о добре и зле у него в принципе отсут-

ствуют. Но Каин-то, увидев, что уничтожаются результаты его долгих и тяжких трудов, должен был хоть что-то почувствовать? И хрясть Авеля мотыгой по голове. А чего такого? Чему тут удивляться, он же не знает добра и зла, ценность помидорного куста и человеческой жизни для него примерно одинаковы.

Вот, например, играют дети в песочнице, и Алик случайно растоптал куличики, которые налепил Коля, а Коля хрясть Алика пластиковым ведёрком по голове. Ведь никто ж не будет вменять греха ни Коленьке, ни Алику, они ж дети.

Когда традиционалистам от богословия указываешь на то, что до грехопадения люди не знали так же и добра, то они от полемической безысходности впадают в прямое противоречие с Писанием и утверждают, что добро и зло люди знали, но только теоретически, а на практике были безгрешны. Это как? Каин кипел от зависти и ненависти, уже и тяпка дрожала в его мозолистой руке, но он удержался бы? Только безнадёжные лицемеры могут считать такую модель поведения нравственно совершенной.

Недееспособный человек, который в принципе не понимает, что такое добро и зло, не несёт даже юридической ответственности за свои действия, тем более ему нельзя вменить ответственность моральную. Такой человек может совершить дурной поступок или даже преступление, но эти деяния будут неподобающими только с нашей точки зрения. Некоторые, конечно, пытаются и волку вменить в вину уби-

енную овечку, но это же неправомерно. Вот и безгрешный Адам имел полное моральное право совершать какие угодно мерзости, ведь делал он это не со зла. Не знал он, что такое зло, именно поэтому и оставался нравственно чист, чего бы ни вытворял. Человек остаётся безгрешным только если он не способен понимать, что такое добро и зло.

Нравственный закон – это закон социальный, у которого только одна задача – поддержание любого человеческого сообщества в мире, согласии и социальной гармонии, или, как это принято определять в богословской традиции, – в любви. И если от Адама предусматривалось распространение человечества, то как же человечество могло существовать без понимания добра и зла, без понимания социального закона?

А познание нравственного закона разве могло привести человека к деградации, как это принято считать в богословии? Разумеется, нет. Просто с пониманием этого закона на каждого человека легла тяжкая, вечная и тотальная ответственность за все свои дела, слова и даже помышления. Такая же ответственность, как и та, которая ляжет на плечи «Алика и Коленьки» когда они подрастут. А пока они не подросли, педагогической реакции требуют только неэтичные проявления детской воли, дабы нравственная модель поведения формировалась хотя бы на уровне условного рефлекса. Всё остальное – дидактика. Накажет ли Вас Господь за то, что Вы будете есть песок из песочницы? Вот и родитель должен поступать так же.

А как бы выглядела совершенная во благе воля человека, который действительно возлюбил ближнего своего как самого себя? Доведем понятие благой воли до умозрительного совершенства. Это была бы такая воля, которая заботилась исключительно об интересах, желаниях и чувствах ближнего своего. Тогда даже время, потраченное на удовлетворение своих собственных потребностей, являлось бы временем эгоизма, украденным у дел благотворительности. И всё своё, что мы не отдали бы тем, кому это нужней, уже являлось составом нашего нравственного преступления.

Человек мог бы быть нравственно совершенным, если бы у него самого не было никаких потребностей, желаний и амбиций, и он руководствовался только интересами и чувствами ближнего своего. Но что это за человек такой, у которого нет никаких личных мотиваций к действию? И что это за идеальное общество такое, в котором никому ничего не нужно? А зло возникает именно в столкновении интересов, начиная от мелкого недоразумения и кончая уничтожением этноса, который «мешает» интересам другого этноса.

Разумеется, Господь оставил человеку личные интересы (эти произвольные генераторы зла), но вменил человеку в закон не попирать интересы ближнего в стремлении реализовать свои желания и амбиции.

Рассмотрим структуру гордости (пристрастного отношения к высоте своих достоинств), качества, которое, вероятно, и является фундаментальным для существования лично-

сти, индивидуальности, персонального «Я».

а) Комплекс неполноценности.

Страх перед неодобрительной молвой, перед нелестным, пренебрежительным мнением.

Страх перед насмешкой, осуждением и презрением.

Мнительность, ранимость, застенчивость, обидчивость, страх публичности.

Страдание из-за незначительности, ущербности, неполноты своих достоинств.

б). Комплекс демонстративности.

Стремление быть объектом интереса и внимания.

Стремление выделяться, отличаться, удивлять, производить впечатление.

Стремление оставлять о себе память (хотя бы и негативную).

Стремление к известности, популярности и славе.

Тщеславие, бравада, вычурность, кураж, позерство, хвастовство, эпатажность.

Гипертрофированная потребность в благоприятном и лестном мнении о своих достоинствах.

в) Комплекс доминирования.

Стремление к лидерству, главенству и авторитетности.

Неприятие чужой значимости, первенства и превосходства.

Стремление контролировать, направлять, распоряжаться, руководить.

Неприятие подчинения, ограничений, опеки, зависимости.

Стремление влиять, поучать и убеждать.

Неприятие чужих мнений, замечаний, возражений, критики и советов.

Стремление превзойти, победить, опередить, стать лучшим.

Неприятие превосходства чужих благ, достоинств и успехов (зависть).

Честолюбие, высокомерие, надменность, пренебрежительность, самодовольство.

г) Комплекс агрессивности.

Агрессивные проявления гордости обусловлены стремлением утвердить своё превосходство поправ чужое достоинство в демонстративно оскорбительной форме. Это – вызывающее поведение, грубость, дерзость, конфликтность, наглость, презрительность, хамство, язвительность. Это – стремление словом или делом унижить, оскорбить, опорочить, осудить.

Наборчик проявлений гордости действительно препротивный, но если представить себе некоего нравственно стерильного Адама, которому даже теоретически невозможно растолковать и малейшую рефлексю из всего этого спектра человеческих проявлений. Адама, который даже приблизительно не способен ни представить, ни почувствовать ничего из этого невероятно масштабного симптомокомплекса мо-

тиваций, волеизъявлений, эмоций и чувств. То возникают серьёзные подозрения о тяжёлой форме слабоумия у этого умозрительного Адама.

Адам ничего не понял бы в представленном выше описании синдрома гордости, потому что он в принципе не способен был понимать логики перечисленных человеческих проявлений. Упование же на то, что Адам всё это понимал, но никогда и не при каких обстоятельствах не шёл на поводу у всех этих чувств, от ветхозаветного примитивизма в понимании нравственного.

Познание нравственного закона – это не только принятие вечной ответственности за его соблюдение, но это ещё и колоссальное психоинтеллектуальное возрастание, случившееся с Адамом. А иначе разве изрёк бы Господь: «вот Адам стал как один из Нас, зная добро и зло». (Быт.3:22) Значит и эдемский Змей говорил Адаму правду, ну... половину правды. А человеку был оставлен выбор, трудный, диалектический выбор, который можно определить великим евангельским законом «кому больше дано, с того больше и взыщется».

Богословская традиция с нескрываемой гордостью отмечает, что знание нравственного закона знаменует превосходство человека над животными, а как только речь заходит об обстоятельствах этого познания, так оказывается, что страшной греха не было во всей истории человечества. Но для древнейшей демагогической традиции и это не проблема,

она ещё и не такие несоответствия исповедует и с лёгкостью объясняет.

Почему Бог не пресекает зло

Чтобы обратить всех людей к вероисповеданию, Богу достаточно обнаружить свое существование чудесным, вселенским явлением так, чтоб весь мир ахнул от ужаса и восторга. И то, что Господь этого не делает, собственно и вызывает сомнения в Его существовании. Казалось бы, именно так Он и должен поступить. Ведь яви Он Себя, то все человечество тут же ринулось бы в Церковь поклоняться Ему. А надо ли это Богу? А будет ли такой ход событий целесообразен для домостроительства Божьего? А с какой целью Господь скрывает свое бытие?

Люди страдают не только от того, что у них «жемчуг мелковат», но бывает и по вполне объективным причинам, просят при этом Бога о помощи, а Бог никак не реагирует. И что в такой ситуации Его как бы извиняет? А то, что Он далеко, высоко, занят очень важными делами, не слышит и не видит, до комариного ли писка Великому Вседержителю, а может, Он и вовсе не существует.

Но допустим, что близкое и повсеместное присутствие Бога в нашей жизни стало несомненным научным фактом. Всем стало понятно, что Бог в буквальном смысле с нами. И вот, в условиях очевидной близости Бога умирает ребенок от неизлечимой болезни. И что должна подумать о молчащем Боге мама этого ребенка, если она совершенно точно знает,

что Бог слышит и ее, и детские мольбы о помощи?

Ну допустим «явный» Бог начнёт чудесным образом спасать всех малышей. А сколько лет в таком случае должно быть ближнему нам человеку, чтобы мы извинили Бога за то, что Он не отвел от него смерть? 10? 20? 50? 100? 200? Тогда Богу придется нести моральную ответственность и за непредотвращенные насильственные смерти, и за смерти в результате несчастных случаев. А что тогда делать с детьми и другими любителями экстрима, для которых смертельно опасные забавы станут любимым развлечением в силу их гарантированной безопасности?

Достаточно Богу обнаружить свое присутствие чудесными явлениями в самых острых и болезненных ситуациях, связанных хотя бы со смертью, как тут же к Нему потянутся бесчисленные претензии, связанные с инвалидностью, увечьями, тяжелыми заболеваниями, а потом и с заболеваниями легкими. И далее до страданий, связанных с несправедливостью суда, размером зарплаты, сисек, и много, много чего еще. И ведь невозможно провести ту черту, за которой пренебрежение «очевидного» Бога страданиями человека было бы Ему простительно.

Крайние степени страдания порой доводят человека и до самоубийства. Вот главные причины отчаяния, приводящие человека к суициду, по данным «Mind» – благотворительной организации из Великобритании.

Издательства, различные виды жестокого обращения.

Длительная физическая боль, или болезнь.

Одиночество.

Пребывание в тюрьме.

Жилищные проблемы, включая бездомность.

Денежные проблемы.

Чувство неполноценности, или неудача.

Потеря близкого человека.

Конец отношений.

И что прикажете «явному» Богу делать со всеми этими бедолагами? А ведь это только самое начало списка страданий.

Неизбежное превращение «очевидного» Бога во всемирную Няньку для капризных и прихотливых людей, это – не единственная причина Его скрытности. Человек становится самим собой, когда он уверен, что его никто не видит и не слышит, когда уверен, что его не накажут и не осудят, и чем уверенней человек в своей приватности, тем ближе к своему естеству он становится. Общество оценивает человека по его публичным проявлениям, но Бог-то понимает, что человек открывается в ситуациях, когда его не видят и не слышат.

Это сейчас складывается впечатление, что Богу нет до нас никакого дела, и это если Он вообще существует. Но в ситуации очевидной близости Бога, расхожая фраза «Бог все видит» уже обратится в точное знание о том, что Бог за всеми подсматривает, всех подслушивает и даже все мысли читает.

Полагаю, что в такой ситуации половина человечества просто сойдет с ума.

Ну а что произойдет с психологически устойчивой половиной человечества в ситуации явного и повсеместного божественного контроля? Станут ли люди лучше из-за страха перед явно нависшим над ними наказанием? А становится ли подонок лучше из-за существования правоохранительных органов? Осторожней, предусмотрительней, трусливей, хитрей и лицемерней становится, но честней, совестливей, добрей – нет.

Вот и под явным контролем Божьим произойдет всего лишь взрывной рост человеческой лицемерности. Произойдет «фарисеизация» человечества, которая с незапамятных времен уже происходит с людьми Церкви, нравственное состояние которых сильно отстает от их стремления выглядеть благочестиво.

Притворство и демагогия более всего отталкивают от Церкви людей нравственно чутких, а вовсе не её чистота и святость. Но действительно плохо то, что по фальшивости её риторики и нравов люди судят о характере и предпочтениях Бога.

В условиях явного присутствия божьего лживость нравов удесятерится. Лукавство станет тоньше, глубже, виртуозней. Человек совершенно запутается в рефлексиях добра и зла. Да и у Бога полагаю нет никакого желания распутывать изошрённые психологические ребусы человеческого са-

мообмана. А подонки при этом так и останутся подонками, просто им придётся немного больше страдать от страха перед немедленным воздаянием за зло. Жизнь – это экзамен на человечность, и для максимальной достоверности результатов этого экзамена Профессору лучше выйти из аудитории.

Так что же может извинить Бога перед лицом по-настоящему несчастного человека, жизнь которого была полна страданий? Оправдать Бога могут лишь редкие свидетельства тех, кому посчастливилось недоумереть, воспоминания тех, кто побывал в состоянии клинической смерти и уже не желал возвращаться из потустороннего блаженства обратно в тело, в нашу грязь, страх, боль и тяготу. А если эти радостные переживания были всего лишь галлюцинациями перед уходом в небытие, то и винить некого.

Как я в аду побывал

Ссудил мне Господь жизнь нетрудную, благополучную, интересную, и, как это часто бывает в таких случаях, стала она напоминать вечеринку, затянувшуюся навсегда. Вот уже и возраст за 30, а мы все сидим, выпиваем-закусываем, всякими креативными забавами развлекаемся. Вдруг сознание померкло, и раскадровка моей жизни замелькала перед глазами. Вся жизнь за одну секунду перед мысленным взором пронеслась. Из воспоминаний тех, кому посчастливилось недоумереть, известно, что такое видение – это страшный предвестник. Но не успел я испугаться, как уже очутился во «тьме внешней», такое определение ада, данное Спасителем, довольно точно описывает это мрачное место.

Ускоренная перемотка жизни несколько раз тормозилась, включался замедленный повтор ситуаций, в которых этически я выглядел не очень красиво, но поскольку я не подонок какой, то и претензии были пустяковые, так... из разряда «покривил душой». Особняком хочется отметить адские претензии к моему праздно-бессмысленному образу жизни. Хотя, казалось бы, за что? Может за зарытый талант?

Но какими чувствами сопровождалась эти адские напоминания... Было такое чувство, как будто мои задремавшие было стыд и совесть воткнули в розетку и теперь они «жгут позором за подленькое и мелочное прошлое». Не сочтите та-

кой образ за иронию, стыд действительно был какой-то неведомой и ужасающей силы. А кроме того, в эмоциональной гамме присутствовала страшная досада из-за того, что теперь ничего нельзя исправить. И отчаяние от того, что никогда и ничего в этом моем положении не поменяется. Описание страданий получилось какое-то нестрашное, но поверьте, они в 100 раз ужасней, чем вы можете себе вообразить. А прежде чем вернуть меня к жизни, каким-то неведомым образом мне было внушено нехитрое для христианской традиции знание о том, что надо повиниться и примириться, чтобы больше сюда не попадать.

Никто из присутствующих в тот вечер на моей кухне ничего бы и не заметил, потому что не было ничего удивительного в том, что человек на несколько секунд задумался. Но я вдруг упал на колени и давай просить у всех прощения, да еще с таким выражением лица, будто только что вынырнул из Марианской впадины.

То моё потрясение имело какое-то стойкое и длительное действие. Я ещё долго ходил по жизни как пришибленный (а может я и до сих пор такой, просто привык к этому состоянию). Никаких клятв, обетов и зарок после того случая я не давал, но жизнь как-то сама по себе стала меняться, а примерно через год я уже сиднем сидел, занимаясь системным анализом евангельских заповедей. Каким образом я к этому занятию пришел, понять невозможно.

Давать коту тапком по попе за то, что он минуту назад

написал вам в ботинок, совершенно бессмысленно, потому что он уже и думать забыл про это свое злодеяние, и ваш неожиданный гнев ничего кроме недоумения у бедной животинки не вызовет. Но если Мурзика натывать в этот самый ботинок его наглой, рыжей мордочкой, то тогда какие-никакие причинно-следственные связи в его сознании и закрепятся.

Так же и грешника жарить на сковородке бессмысленно, потому что он в такой ситуации и не вспомнит о своих подлостях. Но вот если его натывать наглой, толстой харей в каждый конкретный ботинок, в который он нассал в своей жизни, то нравственное преобразование с ним несомненно произойдет. Конечно, не так скоро, потому что есть такие люди, которые только тем и занимаются по жизни, что ссут окружающим в обувь, и как правило из самых «благородных» побуждений, хотя, бывает, что и из чистой подлости.

А отправляются моральные уроды в ад не для того, чтобы Господь получил некую сатисфакцию, как полагают мстительные католики, и даже не в наказание, а исключительно для того, чтобы обеспечить социальную гармонию в мире человеков добрых. А иных путей для построения совершенно человеческого мира просто не существует.

И если богословие до сих пор не поняло смысла отделения «козлиц», то только потому, что в воображении теологов – фарисеев психологическая атмосфера Царствия небесного рисуется такой же авторитарно-лицемерной, как и ат-

мосфера Церкви. А нормальный человек недоумевает, о каком таком райском существовании в компании религиозных фанатиков может идти речь... ну разве что о Царствии ханжества и лукавства. И напрасны упования шутников, говорящих о предпочтительности ада потому, что там не будет церковников. Овечьи шкуры святош Бога не обманут и не разжалобят.

Проблема вечности ада заключается лишь в том, возможно или нет изменение нравов тех лицемеров и негодяев, которые в нем изолированы. Возможно или нет изменение характера их воли к евангельским нормам доброты, великодушия и совестливости.

Есть каноничное мнение о том, что в аду человек не способен меняться, что он как попадает туда подонком, так таким и остается во веки веков, сколько ни жги его адским огнем. Но при этом считается, что этого морального урода можно из ада вымолить...

Вот, допустим, умирает правящий архиерей, и вся епархия облегченно вздыхает по этому случаю. Давайте не будем лицемерить, руководители бывают и такие, смерть которых ничего кроме вздоха облегчения не вызывает. Но приличия есть приличия, да и богослужебную традицию никто не отменял, и вот вся Церковь дружно молится о новопреставленном.

Какое суждение о покойном Господь примет к сведению: неслышимый вздох облегчения, пронесшийся среди клири-

ков, или их долгие и громогласные молитвы о блаженном упокоении? А может, не надо представлять Бога тупым истуканом, которого можно обмануть, и воля которого бессильна перед могуществом человеческих ритуалов? Может ли злобный и самодовольный деспот, растлитель и стяжатель войти в Царствие небесное в своем поганом естестве, даже если вся Церковь будет о нем вечно молиться?

Согласно теории всеобщего спасения (апокатастасиса) все моральные уроды будут разом освобождены из ада по амнистии. Это глобальное нашествие отборной сволочи, копившейся в преисподней тысячелетиями, мне столь несимпатично, что я от такой картины тут же становлюсь сторонником вечности ада. И хотя меня пытаются утешить тем, что они, дескать, будут «очищены от греха адским пламенем», но и такая благочестивая демагогия что-то не приносит успокоения и не вызывает доверия. Вы мне психологические механизмы нравственного возрождения и методологию обращения подлости в благородство опишите, тогда я, может, и поверю в эти ваши поэтические благоглупости.

Есть такое богословское мнение о посмертном воздаянии: «кто чем грешит, тот тем и наказуется». Мой личный мистический опыт пребывания в аду подтверждает этот тезис буквально. То есть человек страдает не от какого-то там образно-родственного зла, а мучительно стыдно переживает свои собственные дела, слова и помышления во всей их подлости, пошлости и бесчеловечности. Ад столь же индивиду-

лен, как и жизнь каждого отдельно взятого человека. Человек сам определяет «репертуар» своего ада. И вот если человек будет тысячу лет страдать не от сковородки, а от лицемерия того, какой он на самом деле злобный, беспринципный, мелочный, мстительный, самодовольный, лицемерный, жадный, подлый, жестокий и лживый, то нравственные перемены в человеке верно должны произойти. И такая педагогическая методология никакой не фокус из фантастического фильма, потому что живем мы не в мертво-материальной, а в живой, информационной вселенной, ну, разумеется, при условии, если Бог действительно существует.

А еще есть богословское мнение, что Господь может стереть из бытия человеческую личность. Так зачем тогда пытаться человека вечно, расходуя на это газ и дрова, если его можно просто подвергнуть небытию? И если Господь не стирает из бытия подонков, то, видимо, у Него есть какая-то уверенность в их нравственном преображении, пусть и не очень скором.

Человек – это его память и его воля

«В начале было Слово» (Ин.1:1). «Слово» – это, пожалуй, слишком материальное понятие для описания того времени, когда вообще ничего не существовало. Нематериальные же значения греческого «логос», это – мысль, смысл. Но представить информацию в абсолютной пустоте без привязки хоть к чему-нибудь материальному сложно. Информация всегда отождествляется с её знаками, сигналами и носителями, с её генерацией, восприятием и передачей. Отделить информацию от предметов, процессов и явлений очень сложно потому, что она абсолютно нематериальна, но при этом при-суца всему существу.

Информация существует только как процесс восприятия, мышления. Книга, фильм, фонограмма, вид из окна не являются информацией, пока кто-либо не начнёт их воспринимать. Не можем же мы цифровой код на электронном носителе считать балетом Чайковского. Книга информационно мертва так же, как и надпись на древнем неизвестном языке пока её содержание никто не воспринимает.

Если человечество исчезнет, то информативность нашего мира будет нулевая, подобно отсутствию отражения в зеркале, когда в зеркало никто не смотрит. Нет «наблюдателя» –

нет информации. Носители информации конечно останутся в безлюдном мире, но без «наблюдателя» книга ничем не отличается от деревянного бруска, годного только в пищу насекомым. Некоторые радикальные философы считают, что без «наблюдателя» перестают существовать и сами источники информации. Но это уже, пожалуй, философский экстремизм.

По всей видимости Бог имеет информационную сущность. Об этом свидетельствуют и слова апостола Иоанна, и невероятный объём информации, который Господь должен контролировать как Организатор бытия, и какая-то неотмирная нематериальность информации, и невозможность существования чего-либо без информационной составляющей, то есть, без Логоса.

Наука всё больше склоняется к тому, что электромагнитные импульсы в клетках головного мозга – это не процесс мышления, но лишь реакция мозга на процесс мышления о природе которого нам ничего не известно. Я, лично, не могу себе представить, что этот текст мне надиктовали нейроны. Есть ли у моих нейронов своя воля, свои творческие способности, свои эмоции или они только реагируют на сигналы иной, неведомой нам информационной природы?

И то, что в клетках головного мозга не содержится информации (памяти) становится всё более научным фактом. Но если мозг это всего лишь приёмно-передающее устройство, то что же является носителем личной информации? А не яв-

ляется ли сам Создатель вселенским Сервером, хранящим так же и нашу личную память, то есть нас самих? Если это так, то человек бессмертен, потому что уничтожить человеческую личность можно, только стерев личную память человека из памяти Бога. И если сущность человека – это его личная информационная составляющая, то не является ли информация (Логос) так же и сущностью Бога?

Блок-схема «дух-душа-тело» и структуру человеческого существа описывает сомнительно, а уж тем более она не дает никакого представления о человеке как личности, индивидуальности. Душа, равно как и тело, является всего лишь носителем личности, носителем личной информационной составляющей.

Личность, как это ни парадоксально, – это ее прошлое. Личность человека – это его личная память. Человек идентифицирует себя только в рамках личной памяти о личном опыте жизни. Человек же утративший память, в случае полной амнезии, становится никем в самом буквальном смысле этого слова. И происходит это именно потому, что у него исчезает память о прошлом, относительно которого человек только и может сам себя опознавать.

Как не в бумаге заключается суть книги, но в той информации которую она несёт, так и человек, это не тело, не вещество мозга и даже не тонкая материя души, личность человека заключается в содержании его памяти, которая накапливается в течение всей его жизни. Собой не рождаются,

собой становятся.

Достоверное представление о личности принципиально важно, потому что проблемы жизни и смерти человека, его бытия и небытия, его спасения и гибели – это проблемы сохранения или исчезновения не чего-либо, а именно личной памяти о личном опыте жизни.

И если личность субъективно – это её личная память, то личность объективно – это память окружающих о человеке. Память о покойном, как некая форма продолжения его жизни, является достаточно традиционным утешением для человека, стремящегося избежать небытия. Таким образом, даже традиция памяти о покойном подтверждает информационную сущность личности.

Стремление к признанию, к славе является неосознанным, а порой и вполне сознательным стремлением сохранить свою личность в чужой памяти, расширить территорию своего бытия за счет чужого сознания. Как животное метит территорию, обеспечивающую ему условия жизни, так и человек тщеславный стремится «пометить» собой сознание окружающих, территорию своего умозрительного бытия в чужой памяти.

Так, например, некто Герострат, дабы обессмертить свое имя в человеческой памяти, сжег одно из чудес света. И это неудивительно, ибо для тщеславия и гнев общества является той же славой, убийственна для тщеславия лишь неизвестность. И если вы видите на архитектурном объекте надпись

«здесь был Вася», то можете быть уверены, что так проявляется стремление Васи оставить след в вашем сознании, а не какие-то там хулиганские побуждения. Тщеславие – очень сильная и распространенная поведенческая мотивация, хоть и органично-неприметная, как, впрочем, и прочие проявления гордыни.

В некоторых религиозно-философских воззрениях считается, что после смерти человека личная память с его души стирается, что, кстати, равносильно смерти человека в атеистическом смысле, то есть уходу личности в небытие. А бывшая в употреблении душа с уничтоженной памятью якобы используется следующим человеком. Пергамент был дорогим материалом, поэтому информацию, которая утрачивала актуальность, с него иногда смывали для повторного использования писчей площади. Возможно, этот обычай и натолкнул древнего философа на мысль о том, что информация – ничто, только носитель информации, на котором она записана, представляет ценность. Ну какая, казалось бы, ценность в личной памяти «ничтожных людишек», которые ничего кроме добычи пропитания не знают, и ни о чем другом немышляют.

Чем порождено суждение о том, что душа – это какой-то штучный продукт божественного рукоделия? «Энергоинформационная оболочка» как непременный атрибут всякого живого организма формируется во время вызревания плода как у котика, так и у человека. Ну, кошачья-то, вероятно,

попроще будет. Или Господь и кошачьи души тоже вручную мастерит? То, что живой организм непостижимой сложности формируется из одной клетки, почему-то никого не удивляет, а то, что вместе с телом еще формируется и некая «биоэнергетическая оболочка» – это прям чудо какое-то невероятное...

Вот пьют на кухне чай хозяин и гость. Для хозяина, который прожил на этой кухне полвека, это целый мир, в котором каждый предмет имеет свою историю и свою память. Сколько людей, событий и чувств помнит эта обстановка. А для гостя пространство этой кухни – это чужой, посторонний и незнакомый мир. Ну ладно, кухня – это частный случай средоточия личной памяти, приведенный для примера. А сколько в жизни каждого человека иных мест, предметов, событий и людей, которые наполняют его, и только его информационную составляющую, которая собственно и несет в себе каждую отдельную и неповторимую человеческую личность...

Но личная память это еще не весь человек, личность человеческая дихотомична, она состоит из двух индивидуальных составляющих. Персональный компьютер, проживший интересную и долгую жизнь, тоже имеет строго индивидуальную память, но у него нет воли, потому он и мертвый. Нет воли (способности управлять своими действиями) – нет жизни. Воля первична даже по отношению к разуму. Приоритетность разума по отношению к воле проявляется разве что в обсессиях (в неподконтрольных воле, болезненных,

непроизвольных процессах мышления).

Личная воля столь же индивидуальна, как и личная память, хотя бы потому, что она так же формируется личным опытом жизни. Индивидуальность воли определяет индивидуальность характера, то есть индивидуальность реакций, проявлений, предпочтений и побуждений.

Воля, как способность управлять своими действиями, присуща и автоматике, особенно «высокоорганизованной» цифровой автоматике, но эта свобода принятия решений все же запрограммирована, а в понятии воли очень важно понятие ее свободы. А какая-то такая свобода воли, например, у котика... Захотел поест – пошел к миске, захотел спать – пошел на лежанку, пописать – в лоток, а приспичило спариваться, то на двор убежал, вдруг «повезет». И это свобода воли? А не такая ли свобода воли и у человека? Но какая ж это свобода воли, когда всякое действие обусловлено потребностями, целями и желаниями, не та же ли это животная детерминированность? Разве человек когда-либо поступает вопреки своим интересам, желаниям и потребностям? Если, например, человек не хочет идти на работу, но все же идет, то он понимает, что такой выбор предпочтительней (по понятным, я надеюсь, причинам). А если человек хочет курить, но не курит, то и тут он страдает в согласии со своей волей. А если он все же плюнет на свое здоровье и закурит, то и это будет его личным предпочтением.

И только в одном случае человек всегда поступает вопре-

ки своим интересам, желаниям и потребностям. А не в этом ли и проявляется свобода воли? Как это ни странно, но свобода воли проявляется исключительно в ситуациях, когда человек поступает нравственно.

Добро (нравственное) – это волеизъявление, направленное на сохранение интересов и чувств другого человека за счет уступок и жертв (обычно самых незначительных) в сфере личных интересов, желаний и амбиций.

Даже если человек потратит минуту своей жизни на помощь ближнему, особенно если он чем-то занят или куда-то спешит, то это уже будет поступок, совершенный вопреки личным интересам. А бывают и такие нравственные подвиги, когда человек всю жизнь самоотверженно служит тем, кому трудно.

Но не следует смешивать нравственные (эмпатические) проявления свободы воли с соблюдением приличий. Следование общественной морали, так же как и прочие мотивации, обусловлено личными интересами. Например, страхом перед осуждением, страхом перед наказанием, страхом перед негативным мнением о себе, или даже страхом получить в морду, выгодностью приличной модели поведения, стремлением к благоприятному мнению о себе.

Эмпатическая же потребность – это потребность в физическом и психологическом комфорте другого человека, она движима способностью тонко чувствовать и остро переживать состояние другого человека, способностью человека

ставить себя на место тех, кому плохо, тех, кто страдает от страха, стыда, обиды, разочарования, тревоги, уныния, отчаяния, неловкости, досады, недовольства, растерянности, чувства неполноценности. Именно в эмпатических реакциях воли и проявляется её свобода, свобода от личных мотиваций и побуждений.

Богоугодность человека определяется только эмпатической составляющей его воли, и ничем более. А попытки имитировать добрый нрав и человека-то не обманут, не то что Бога.

Как познать истину и стать свободным

«Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными.» (Ин.8:31–32)

«Пребудете в слове» – речь идет даже не об исполнении заповедей как обычно, а скорее об их органичной свойственности характеру воли человека. То есть, нравственный (евангельский) характер позволяет человеку видеть мир истинно, объективно, достоверно. Такое утверждение звучит неубедительно даже в устах Бога. Но единство нравственности и мудрости замечали и люди...

Нравственность, есть правда.

В. Шукшин

Разумное и нравственное всегда совпадают.

Л. Толстой

Кто добр, тот и мудр.

Сократ

Высшая мудрость – различать добро и зло.

Сократ

Очисти сердце – тогда и поймешь.

Прп. Амвросий Оптинский

Мудрость – это ум, настоящий на совести.

Ф. Искандер

Когда ясно, в чем заключается истинная нравственность, то и все остальное будет ясно.

Конфуций

Красиво и патетично. Но красота и пафос бывают обманчивы, они своей эмоциональностью могут увлечь человека в какое угодно заблуждение и глупость. Попробуем разобраться, а вдруг мысль этих авторов была на верном пути, хоть и не добралась до полноценного объяснения того, что нравственное видение тождественно видению истинному. И для начала обратимся к еще одной подборке цитат...

Все, что соответствует нашим желаниям, кажется правильным.

А. Моруа

Мы любим правду, но лишь ту, что подтверждает нашу правоту.

В. Меньшиков

Люди всегда против разума, когда разум против них.

К. Гельвеций

Плохо мы верим тому, чему неприятно поверить.

Овидий

Мы справедливы, когда не заинтересованы.

Констан

Люди склонны верить тому, что им больше по вкусу.

Б. Паскаль

Личности надо отречься от себя для того, чтобы сделаться сосудом истины, забыть себя, чтобы не стеснять ее собою.

А. Герцен

А вот теперь уже становится понятней что объективность мировосприятия разрушается эгоцентрической заинтересованностью человека. Как это не странно, но грань между субъективностью и объективностью мировосприятия носит нравственный характер. Например, доброта, совесть, великодушие, умеренность, смирение учитывают мнения отличные от своего, а бездушность, бессовестность, гнев, алчность, гордыня – пренебрегают мнениями, которые противоречат их интересам и представлениям. Нравственное (евангельское) мировосприятие легко ориентируется на понимание точки зрения ближнего. Эгоцентричное же мировосприятие всегда старается попать чужую, невыгодную для себя точку зрения. Таков механизм объективности нравственного мировосприятия и искаженности мировосприятия безнравственного. Получается, что справедливость ума и справедливость нравственности действительно однородны.

Любой, даже самый ничтожный предмет эгоцентрической

предвзятости способен разрушить объективность мировосприятия. Например, одним из многочисленных предметов гордости для человека является превосходство его ума, его правоты, представлений, суждений, знаний, просвещенности, точки зрения, осведомленности, компетентности. Гордость ума, как явление предметно близкое к теме истины, мы и рассмотрим подробнее.

Первой ловушкой глупости для гордого ума является поспешное стремление выразить свое мнение, поскольку наличие мнения о чем бы то ни было, само по себе представляется признаком компетентности, опытности, просвещенности... Правота же (превосходство) заявленного мнения является гораздо более значительным предметом гордости, нежели его наличие, а потому в защите своих мнений гордость, превосходит все пределы субъективности и демагогии.

Гордость ума направляет логику человека только на утверждение своей правоты и на отвержение всего, что его мнению противоречит. Но и человек отстаивающий, допустим, некую объективную истину, поступает примерно так же. Различие заключается лишь в пристрастии гордыни к превосходству своей правоты. И чем сильнее человек дорожит превосходством своей точки зрения, тем выше мера его интеллектуальной слепоты, его глупости. Тогда как скромность (смирение), а в данном случае это бесстрастное отношение к своему интеллектуальному превосходству, обеспечивает гораздо большую объективность видения проблемы.

Гордость ума не размышляя принимает на веру все, что хоть как-то подтверждает ее представления, и априорно отвергает даже самые убедительные и очевидные контраргументы. Такой стиль мышления останавливает развитие человека на границе тех убеждений, которые у него уже есть. Такой человек непроизвольно сопротивляется своему собственному развитию, ибо состояние его интеллектуального самодовольства может только разрушаться от нового, иного и более совершенного знания. Гордость ума ограничивается кругом лестных для себя представлений, и тем самым делает субъективистский самообман нормой мировосприятия. Путь же к мудрости базируется на смиренном принятии того факта, что твои представления как минимум несовершенны. В подтверждение вышесказанного еще раз обратимся к авторитетным мнениям:

Человек, не допускающий сомнений, ставит предел своему уму.

К. Гельвеций

Все глупцы упрямы и все упрямы глупы.

Б. Грасиан

Ничто так не согласно с разумом, как его недоверие к себе.

Б. Паскаль

Упрямый человек не обладает мнением, а мнение

обладает им.

А. Пон

Самое верное средство ошибаться – это считать себя непогрешимым.

П. Буаст

Убеждения гордого ума обычно формируются на основании престижных воззрений. Престижность воззрений обуславливается такими их качествами как авторитетность, прогрессивность, смелость, оригинальность, независимость, таинственность, эффектность, модность, оппозиционность. Престижные воззрения легко и без размышлений принимаются носителем гордого ума, потому что престижность принятого мнения автоматически становится его собственным престижем. Или как говорили в старину на Руси: «Умному ясное, дураку – красное».

Рассмотренные выше повреждения ума обусловлены всего лишь частным проявлением гордыни. А сколько в мире ещё предметов, эгоистическое пристрастие к которым искажает объективность мировосприятия, разрушает ум человеческий...

Человек – это средоточие бытия, а потому нет ничего более значимого для понимания, чем глубокое, тонкое и объективное понимание человеком самого себя, а как следствие и других людей. У человека нет более удобного объекта для изучения тонких человеческих проявлений, чем он сам. Насколько глубоко человек понимает себя, настолько глубоко

он понимает всех. Однако человек несовестливый, самодовольный невольно избегает объективного самопонимания, потому что не желает замечать, что его поведение зачастую определяется такими его качествами, как алчность, беспринципность, бессердечие, бесстыдство, высокомерие, гордыня, двуличие, жадность, жестокость, злопамятность, злобность, злорадство, зависть, интриганство, корыстолюбие, лживость, лукавство, льстивость, мелочность, малодушие, мстительность, нечестность, недоброжелательность, невоздержанность, недобросовестность, нетерпимость, неблагодарность, несправедливость, притворство, равнодушие, раздражительность, самодурство, самоуверенность, скупость, сварливость, тщеславие, угодливость, упрямство, хвастовство и т. п.

Несовестливый, из-за нежелания замечать в себе эти и тому подобные проявления, искажает и ограничивает понимание самого себя, а как следствие он и окружающих воспринимает так же поверхностно примитивно, то есть как глупец. То, что человек, принимающий нравственность, принимает мудрость, можно легко заметить на примере людей глубоко порядочных: они неизменно отличаются объективностью и тонкостью мышления. Люди же корыстные, злые, беспринципные всегда отличаются мышлением демагогичным и примитивным, ум таких человек – это их хитроумие.

Много раз отмечалась взаимосвязь между образованностью человека и его нравственными качествами (интели-

гентностью). При этом всегда делался однозначный вывод, что нравственные качества являются следствием образования. Однако вышесказанное даёт основания предполагать, что причинность здесь обратная, что это нравственные качества позитивно влияют не только на глубину и тонкость социального мышления, но и на интеллектуальность человека. Если рассмотреть круг социально успешных, хорошо учащихся детей, то можно легко заметить, что именно эту детскую среду отличают доброта, скромность, великодушие, добросовестность, благородство, порядочность, то есть нравственные качества, которые еще не могут быть следствием просвещенности. Делайте выводы родители.

«И истина сделает вас свободными», ну в этой-то премудрости Божьей, казалось бы, точно нет никакой логики, однако апостол Павел умудрился описать ее логику тремя словами: «закон предназначен не для праведников». А вот святитель Николай Сербский объяснил феномен свободы следующим образом... «Если хочешь свободы, освободись от себя».

Свобода – это возможность реализовать свои желания. Несвобода – это невозможность реализовать свои желания. Таким образом, чем эгоцентричней и невоздержанней человек, тем он несвободней. Вот такой вот странный парадокс.

Клановая любовь или клановый эгоизм

Клановый эгоизм проявляется как попрание нравственно-го (евангельского) закона в угоду близким людям, клановым интересам. Клановые интересы человека определяются его близостью к тем или иным социальным группам, таким как государство, этнос, конфессия, сословие, организация, родственники, знакомые, семья... Забота об интересах своей социальной группы, а по сути забота о личных интересах, лукаво представляется в рамках клановой заинтересованности как любовь к ближнему своему. Но что это за любовь такая, если клановые интересы могут довести общество даже до такого преступления как геноцид, но и геноцид может восприниматься «своими» как благое дело.

Клановый эгоизм легко прощает «своим» любую несправедливость, если, конечно, она совершена против «чужих», «чужим» же клановый эгоизм не прощает ничего. Клановый эгоизм ведет к тем же порокам и преступлениям, что и эгоизм личный, но в силу своей массовости клановый эгоизм может разрастаться до масштабов мировой катастрофы.

Интересы семьи чаще, чем что-либо, заставляют человека идти наперекор нравственным нормам. Драматическую ситуацию выбора между интересами семьи и нравственным

законом, Господь разрешает жестко и однозначно: «И враги человеку домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня». (Мф.10.36,37) В чем выражается любовь к Богу, Спаситель определил так: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня». (Ин.14.21) Таким образом, заповедь о предпочтительности любви к Богу – это заповедь о преимуществе нравственных (евангельских) законов перед эгоистическими интересами семьи, а уж тем более перед интересами какого-либо иного сообщества, в том числе и Церкви.

Любовь к Богу не в предпочтительности интересов церковной организации. Об этом свидетельствует осуждение Спасителем иудейского права не делиться с родителями тем, что человек определил, как дар Церкви (Богу). То есть, материальные интересы семьи для Бога превыше материальных интересов Церкви.

О разделении, которое Иисус привнес в родственные и конфессиональные связи иудеев, Спаситель говорил неоднократно и категорично. Андрей Кураев определил эту нравственную коллизию следующим образом: «Истина разделяет, ибо несовместима с ложью». А если Господь возвещает истину, то имеет ли Он право пожертвовать клановым согласием в заблуждении и эгоизме?

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить че-

ловека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее». (Мф.10:34–35) Не надо оправдывать право Церкви на экспансию и насилие, спекулируя евангельским «мечом». Спаситель говорил лишь о мировоззренческих разделениях, привнесённых Им в клановую консолидацию иудеев. Да и не только иудеев...

В притче о добром самаритянине Господь недвусмысленно указывает на то, что ближнего своего следует видеть в том, кому требуется наше участие, а вовсе не в ближнем окружении, и главный смысл этой притчи направлен именно против кланового эгоизма.

Клановая ограниченность даже со Спасителем сыграла злую шутку. В начале своей миссии Иисус крайне отрицательно относился к проповеди за пределами иудейской среды, потому что слава фокусника и целителя, на которую Он был обречен в неподготовленном обществе, была Ему не то что без надобности, но даже и вредна. И только когда Иисус понял, что в иудейской среде Новый Завет обречен стать ересью мелкой гонимой секты, Он отправил апостолов к язычникам. Вот эти двенадцать человек и стали итогом многовековой заботы Господней о возвращении этноса, способного воспринять новозаветное Откровение. И эти двенадцать иудеев справились с Богом возложенной на них задачей.

Разумеется, предпочтительность интересов близких людей нельзя в полной мере считать клановым эгоизмом, но, по крайней мере, не следует приносить интересы «чужих»

в жертву интересам «своих». Человек не может быть совершенным альтруистом, хотя бы потому, что и ему надо как-то выживать в этом мире, то же можно сказать и об интересах социальной группы. И провести четкую границу между достаточным альтруизмом и неподобающим эгоизмом невозможно. Эту границу проводит каждый сам для себя, как ему совесть подсказывает. А уж Господь рассудит, достаточна ли была мера нашей самоотверженности.

«Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем». (Мф. 20:20–22) Христианские Церкви поражены ядом зеведеевым, ядом исключительной конфессиональной близости к Богу, ядом исключительной богоугодности. И если личная гордыня в христианстве еще худо-бедно идентифицируется, то конфессиональная – никогда. Конфессиональная исключительность догматизирована, и оспаривать ее – страшный грех. Потому и разделился «дом» сам в себе.

«И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его. Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот

Мне брат, и сестра, и мать»». (Мк.3:31–35)

Разумеется, никаких проблем с доступом родственников ко Христу в данном случае не было, да и окружали Его не великие праведники, просто Господь никогда не упускал случая для нравственных уроков. И лишний раз напомнил о том, что нравственность человеческая превышает клановую консолидацию. И если мы перенесем этот нравственный урок на нашу жизнь, то можем заметить, что клановый протекционизм (непотизм) как общепринятая традиция может разрастись до такой степени деструктивности, что порой приводит даже к деградации государственности.

Вот что писали о клановом эгоизме некоторые мыслители...

Имеется не только одиночный или индивидуальный эгоизм, но также и эгоизм социальный, эгоизм семейный, корпоративный, общинный, патриотический.

Л. Фейербах

Разве эгоизм государства не такой же порок, как эгоизм отдельного человека?

К. Берне

Не есть ли единение с десятками – разъединением с тысячами и миллионами?

Л. Толстой

Даже шайка разбойников должна соблюдать какие-

то требования морали, чтоб остаться шайкой; они могут грабить весь мир, но не друг друга.

Р. Тагор

Человек исповедующий клановый эгоизм исповедует эгоистические нравы, и при этом он как бы освобождается от персональной нравственной ответственности за бездушность, беспринципность, лукавство и жестокость эгоизма коллективного. Клановый эгоизм как бы снимает с человека ответственность за его бесчеловечность. Русская поговорка определяет механизм этой ложной невинности следующим образом: «Где все виноваты, там никто не виноват». Но напрасны упования маленького человека, который с чистым сердцем бесчинствует в составе большого злобного стада; перед Богом не бывает коллективной ответственности, но только личная.

Клановый эгоизм государства становится уже политической проблемой. Сложность понимания слова «фашизм» определяется тем, что фашизм отождествляется с нацизмом (этническим клановым эгоизмом). Но «фашизм» от итальянского *fascio* – союз, связка, объединение может быть основан на любой системе воззрений. И либеральная идеология может быть фашистской если она экспансивна, агрессивна и тоталитарна. И футбольный фан-клуб – тоже небольшая фашистская организация, страстно исповедующая клановое превосходство.

Древнегреческий драматург Менандр, так определил про-

тивоядие для кланового эгоизма: «И друзей, и недругов нужно судить равной мерой». А вот что сказал Спаситель о клановом эгоизме: «Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». (Мф.5.46–48).

А если у Бога нет любимчиков по клановой принадлежности, то не так ли должен поступать и человек?

Вот и вся любовь

Может, хватит уже талдычить вслед за античными авторами: филия, агапе, сторгэ? В русском языке слов, что ли, мало для обозначения дружественных отношений? Религиозно философское понятие любви в зависимости от контекста включает в себя следующие смысловые составляющие...

- эмпатия (сочувствие, сопереживание),
- доброта (отзывчивость, участливость),
- симпатия (расположение, приязнь),
- стремление к общению, единению и братству,
- сопереживание радости.

Телесное же влечение – эрос – следует отнести к физиологическим потребностям, что отнюдь не мешает эросу сочетаться с любовью духовной, разумеется, если человек к ней способен. Мы же не можем считать, например, изнасилование проявлением любви, а проявлением эроса – запросто.

Отсутствие в характере человека качеств человеколюбия автоматически подразумевает его бездушность, черствость, эгоистичность. Эгоист ориентирован только на свои чувства и желания, а потому легко пренебрегает и жертвует интересами окружающих, к которым он органически равнодушен.

Эгоизм – качество пассивное, оно не имеет побуждений и определяется лишь отсутствием консолидирующих качеств, присущих человеколюбию. Асоциальные проявления эгоиз-

ма обусловлены не стремлением к самоутверждению, как поведение гордыни, и не страстью к насыщению своих потребностей, как поведение неумеренности, но лишь безразличием к чувствам окружающих. Именно аэмпатичность, неспособность к сочувствию, к отзывчивости является причиной эгоистической недружественности. Но если эгоист к тому же движим страстными желаниями, или гордыней, то социальная разрушительность эгоизма возрастает многократно.

Слово «эмпатия» ближе всего по значению к таким понятиям, как «сочувствие, сопереживание», но отличается от этих традиционных для христианства понятий отсутствием ситуационной трагичности в своем значении, и, как следствие, гораздо более тонкой и обширной областью употребления. Эмпатичность – это способность тонко чувствовать и остро переживать психологическое состояние окружающих, способность отождествлять себя с ближним, ставить себя на место другого человека. Эмпатии не обязательны физические страдания ближнего для того, чтобы посочувствовать ему. Эмпатия болезненно реагирует и на такие дискомфортные эмоции окружающих, как страх, стыд, обида, разочарование, тревога, уныние, отчаяние, неловкость, досада, неудовлетворенность, недовольство, скука, чувство неполноценности.

Спектр эмпатических реакций простирается от едва уловимых проявлений деликатности до героической самоотверженности. Эмпатия, в той или иной мере, свойственна каж-

дому человеку, однако степень эмпатичности у разных людей может очень сильно различаться. Иной раз и психопат может посочувствовать кому-либо, но совершенно очевидно, что мера его эмпатичности не может идти ни в какое сравнение с эмпатичностью человека доброго.

Эмпатичность определяет весь поведенческий комплекс человеческой дружественности, потому что психологический комфорт окружающих значим и осязателен для эмпата почти так же, как и свой собственный. Именно эмпатия заставляет человека следовать золотому правилу нравственности: «Не делай другому того, чего не хотел бы себе, но делай то, чего хотел бы для себя».

Заботиться о психологическом комфорте окружающих, соблюдая их интересы, предписывают также и некоторые нормы, относящиеся к общественной морали. Но моральные правила носят ограниченный, формальный, лицемерный и ситуационно нормированный характер. Тогда как чистосердечность, тонкость и многообразие эмпатических проявлений дружественности не предусматривают, да и не могут предусмотреть, никакие поведенческие нормы. Даже Господь вряд ли смог бы перечислить все возможные ситуации, в которых человеку следовало бы поступать по-человечески, а эмпатия это может. А может эмпатия – это и есть голос Бога?

«Возлюби ближнего твоего как самого себя» – эта главная заповедь христианства не о лицемерной участливости обще-

ственной морали. По сути, данная заповедь призывает человека стать эмпатом. Но возможно ли обрести эмпатическую способность волевым усилием...

Органичное принятие всеми членами социума одной только заповеди о любви к ближнему могло бы привести к совершенному согласию любое сообщество хотя бы потому, что эмпатичность не позволяла бы никому попираť интересы и чувства окружающих. Любовь к ближнему и, как следствие, равенство, или даже предпочтение его интересов, – это единственно возможный способ нейтрализовать социальную разрушительность бездушного, а порой и жестокого эгоизма. Мера социального согласия может определяться только мерой значимости интересов окружающих, то есть социальная гармония может быть достигнута только в любви.

В любви чужая радость – это своя радость, и чужое страдание – свое страдание. Без любви же чужая радость – это повод для зависти, а чужая беда – повод для злорадства.

Сострадание заставляет человека жертвовать личными интересами чтобы облегчить участь ближнего, но в итоге человек облегчает и свое (со)страдание. Личными интересами жертвуют многие, но обычно ради самых близких людей, при этом их радости переживаются как свои собственные. Человек, уравнивший свои интересы с интересами ближнего, приобретает возможность радоваться со всеми, с кем он уравнил свое «Я». Соучастие в чужой радости и придает ра-

циональный смысл предпочтению интересов ближнего, потому что чем больше человек принесёт добра другим, тем больше радости будет и у него самого.

Комар совести

Любовь к ближнему – качество нестабильное. Иной раз и человек добрый может несправедливо или даже жестоко попрасть интересы и чувства ближнего своего, иногда сгоряча, а иногда соблазнившись предпочтительностью личных интересов. Но после чуть менее страстной оценки ситуации у обидчика, бывает, возникают чувства стыда, вины, неправоты. Такова обычная ситуация проявления совести.

Посочувствовать пострадавшим от чужого зла – дело нехитрое, тут даже доброта не требуется, достаточно и гордыни собственной праведности. Но посочувствовать тому, кто пострадал от твоего же собственного зла, возможно только с признанием своей неправоты, с отвержением личных интересов и гордыни, а это уже настоящий нравственный подвиг. Совесть – это та же любовь к ближнему, то же сочувствие, но отягощенное чувством своей собственной вины перед ним, иногда даже и потенциальной.

Всякое человеческое взаимодействие нравственно окрашено. Даже мимолетное обращение к ближнему окрашено или скрытой неприязнью к нему, или стремлением эту неприязнь преодолеть, равнодушием или участием, благожелательностью или раздражением, деликатностью, пренебрежительностью, лукавством, великодушием, высокомерием... Любой человеческий контакт сам по себе предполагает

нравственные проявления. Нравственные проявления – это неотъемлемая составляющая любого социального контакта, вероятно именно это и имел ввиду Пётр Дамаскин, когда сравнил множественную рассеянность греха с песком морским. Тогда как в богословской традиции грех – это конкретное, грубое, отдельно взятое деяние, с которым и следует идти на исповедь. А как принести на исповедь «песок морской» если ты не подонок какой, не вор и убийца, а просто человек совестливый?

Положительные нравственные перемены в характере человека обусловлены действием его совести, но происходят эти перемены медленно и незаметно. Если, конечно, они вообще происходят. И если кому-то кажется, что богоугодность может достигаться так же и усердным исполнением богослужебных обычаев, то он просто не знает Бога. Из великого множества, зачастую незаметных даже самому человеку, нравственных предпочтений воли и формируется вектор нравственного роста человека. А выбор модели поведения в такого рода ситуациях всегда делает совесть.

Общество, идеология, приличия, Церковь примешивают к понятиям совести, вины и стыда множество ложных норм, смыслов и значений, связанных с поведенческими обычаями и условностями. Никакого отношения к нравственности эти требования не имеют, но плохо то, что социальные нормативы морали вытесняют и подменяют совесть.

Совесть – это нравственное чувство, позволяющее разли-

чать в своих чувствах, мыслях, словах и поступках проявления зла, непорядочности, несправедливости, лукавства во всей их глубине и тонкости. Говорят, что голос совести – это голос Бога. И это очень похоже на правду, потому что совесть всегда требует поступать по-евангельски. А ещё, во многих европейских языках слово «совесть» происходит от словосочетания «совместное знание». Со-весть, совместное ведение, общее знание. А какое еще знание должно быть органично присуще человеку, если Господь ничего не требует от человека кроме соблюдения нравственного закона?

Но Господь Он такой, что ни тростиночки надломленной не преломит, ни былиночки тлеющей не угасит, как сказано в Евангелии. Вот и голос совести тише комариного писка. А потому и подменить этот голос проще простого или примитивными условностями мирской морали, или фарисейскими приличиями церковного благочестия, или «справедливостью» личных интересов.

Стыд нравственный – это раскаяние «проснувшейся» совести. Стыд же общественной морали – это реакция гордыни на нелестное мнение окружающих. Такая двойственность понятия стыда, свидетельствует о кардинальном различии между нравственным и моральным.

Испытывать сопутствующие голосу совести чувства стыда, вины, неправоты унизительно для человеческой гордости, а потому человек избегает замечать зло в проявлениях своей воли, легко находит себе оправдания, а как следствие,

утрачивает и зоркость нравственного чувства, и способность к нравственному развитию.

Несовестливый может быть столь виртуозен в самооправдании, что может считать себя человеком порядочным, даже если у него руки будут по локоть в крови. Нравственная безнадежность человека несовестливого в том, что его нравственное самодовольство чистосердечно, он честен в своей нравственной слепоте.

У человека нет более доступного объекта для изучения тонких человеческих проявлений, чем он сам. Насколько глубоко человек понимает себя, настолько глубоко он понимает всех. Но человек несовестливый не способен различать в своём поведении все те демагогические уловки, которыми он оправдывает своё зло, свой эгоизм, свою несправедливость и беспринципность. Несовестливый или не замечает зла в проявлениях своей воли, или воспринимает его искаженно оправдательно, таким образом, человек утрачивает способность объективно понимать огромное количество тонких человеческих мотиваций и проявлений.

Человек же совестливый, замечает в себе все более сокровенные уровни лукавства, нравственного самообмана и беспринципности, замечает именно то, что человеку и не хочется замечать в себе. Человек, тонко и верно понимающий человеческие проявления отличается пронизательностью, глубиной и объективностью мышления, то есть тем, что часто определяется как ум.

Глубокое самопонимание обусловленное утончённой совестью, дает человеку пронизательность и в понимании других людей. Но пронизательность совести не ведет к осуждению окружающих, ибо чужая неправедность обязательно напоминает совестливому о своей собственной. Несовестливый же напротив, всегда старается осудить других для того, чтобы выглядеть в своих глазах ещё лучше. Злословящий всегда стремится доказать одну и ту же мысль: «А вот я, хороший!».

В подтверждение сказанного можно привести следующие слова Спасителя: «И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучек из глаза твоего»; а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего». (Мф.7.3–5.) Иначе говоря, только человек обретший мудрость в нравственном самоанализе способен достоверно судить о том, когда, как и кому будет полезно сказать о его неправоте. Вот так скучно и невнятно я истолковал слово божие, тогда как образное слово Христа попадает в голову как разрывная пуля.

Мытарь – иудейский налоговый инспектор, помогавший римским оккупационным властям собирать налоги, и имевший свой процент с этого занятия. Размер налога в то время определялся на глаз, что порождало массу конфликтов и злоупотреблений, а как следствие и ненависть к мытарям со

стороны соотечественников и единоверцев.

«Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам себе так: Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! Будь милостив ко мне грешнику!

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий себя, унижен, будет, а унижающий себя возвысится». (Лк.18.10–14).

Того, кто «унижает» свою совесть раскаянием, возвышает не сам акт раскаяния, но те качества, которые формируются в человеке под действием раскаяния. Совесть – это единственно возможный способ становиться добрей, честней, дружественней, великодушной, а вот обладатель таких качеств уже достоин возвышения. Но дело даже и не в нравственных качествах самих по себе, а в том, что характер человека совестливого становится социально дружественным. Человек совестливый наносит все меньший ущерб социальному согласию, и становится пригодным для бытия в Царствии небесном. Совесть – это единственный ориентир, следуя которому личность человека может исправляться соответственно законам мира, любви и согласия.

Для тех, у кого возникло недоумение: «а причём тут со-

весть, если речь в Евангельской притче идёт о покаянии» замечу, что истинное покаяние никакого отношения ни к страху перед наказанием, ни к благочестивым причитаниям «ой грешный, я грешный», ни к ритуальному «очищению» от греха не имеет. Истинное раскаяние, это действие совести и стыда за свою бесчеловечность, беспринципность, несправедливость, непорядочность и криводушие. А если человек кается потому что наказания испугался, то это не раскаяние, а лицемерие трусости.

«Покайтесь!» – это первый призыв первой проповеди Христа, а также Иоанна Крестителя в известном евангельском эпизоде. И это не удивительно, ибо человек может преодолеть своё зло лишь в той мере, в которой сможет его увидеть и устыдиться. Нравственный уровень человека может определяться только тонкостью видения им своего зла, и мерой стыда за его осуществление.

А к совести своих соплеменников Иисус не мог взывать, потому что не было в арамейском слова «совесть». Но как здесь уже отмечалось, совесть – это та же любовь к ближнему, отягощённая чувством своей собственной вины перед ним. Действие совести всегда сопряжено с отвержением своих собственных интересов и гордыни, а потому это гораздо более трудная и высокая форма нравственного поведения нежели обычная доброта.

А что заставляет человека идти наперекор нравственному закону совести?

1. Нелюбовь (бездушность, аэмпатичность), которая безразлична к тому, что ущерб будет нанесён интересам и чувствам другого человека.

2. Гордость, которая уязвляется признанием своей вины и неправоты.

3. Неумеренность, для которой личные интересы превыше правды и справедливости.

Эта, казалось бы, простейшая структура пороков душащая совесть человеческую включает в себя весь спектр недружественного, социально деструктивного, греховного поведения. Эти базовые причины зла определяют всё многообразие греховных проявлений человека.

Нелюбовь – (эгоизм, бездушность, бессердечность, бесчувственность, чёрствость, жестокость).

Гордость – (честолюбие, тщеславие, самодовольство, наглость, высокомерие, презрительность, пренебрежительность, хвастовство).

Неумеренность – (невоздержанность, прихотливость, жадность, пристрастность, алчность, капризность).

Соответственно и вся праведность определяется тремя базовыми добродетелями...

Любовь – (эмпатичность, доброта, благожелательность, сострадательность, отзывчивость, сочувствие, гуманность, альтруизм, деликатность).

Смирение – (в миру – скромность, бесстрастное отношение к высоте своих достоинств).

Умеренность – (бесстрастие, неприхотливость, воздержанность, терпение, аскетичность, непритязательность).

Удивительно, но все остальные (без)нравственные проявления являются производными от этих трёх базовых пороков-добродетелей, даже такие, казалось бы, фундаментальные как совесть и великодушие. Но великодушие и совесть настолько значимы, что их всё же следует выделять как базовые нравственные понятия.

Гордость и скромность. Невидимые гиганты

Для начала перечислим проявления гордости (пристрастного отношения к высоте своих достоинств).

а) Комплекс неполноценности.

Страх перед неодобрительной молвой, перед пренебрежительным, нелестным мнением.

Страх перед насмешкой, осуждением и презрением.

Страдание из-за незначительности, ущербности, неполноты своих достоинств.

Мнительность, ранимость, застенчивость, обидчивость, страх публичности.

б) Комплекс демонстративности (тщеславие).

Гипертрофированная потребность в лестном мнении о себе.

Стремление быть объектом интереса и внимания.

Стремление выделяться, отличаться, удивлять, производить впечатление.

Стремление оставлять о себе память (хотя бы и негативную).

Стремление к известности, популярности и славе.

Бравада, вычурность, позерство, хвастовство, эпатажность.

в) Комплекс доминирования (честолюбие).

Стремление к лидерству, главенству и авторитетности.

Неприятие чужой значимости, первенства и превосходства.

Стремление контролировать, направлять, распоряжаться, руководить.

Неприятие подчинения, ограничений, опеки, зависимости.

Стремление влиять, поучать и убеждать.

Неприятие чужих мнений, замечаний, возражений, критики и советов.

Стремление превзойти, победить, опередить, стать первым.

Неприятие превосходства чужих благ, достоинств и успехов (зависть).

Высокомерие, надменность, пренебрежительность, самодовольство.

г) Комплекс агрессивности.

Агрессия гордыни побуждается удовольствием от демонстративного и грубого попра́ния чужого достоинства во утверждение своего превосходства. Агрессия гордыни проявляется как стремление словом или делом унижить, оскорбить, опорочить; как грубость, хамство, язвительность, наглость, вызывающее поведение, циничность, презрительность, жестокость.

Вот она какая, эта гордость, вот и попробуй дать ей опре-

деление.

А существует ли свойство характера, противостоящее всем этим проявлениям гордости? Существует ли антоним к слову «гордость», обозначающий «бесстрастное отношение к высоте своих достоинств»? К чести лексикографов, я по крайней мере дважды сталкивался с определением скромности в контексте «бесстрастное отношение к высоте своих достоинств». Хотя обычно главным смыслом в определениях скромности является «небогатство», что и неудивительно, потому что главные предметы гордости – это предметы благосостояния. Но у гордости помимо богатства много и других статусных ценностей, например, заслуги, достижения, звания, таланты, успехи, первенство, независимость, бесстрашие, сила, модность, внешность, место жительства и множество других обстоятельств и предметов, вплоть до совсем уж ничтожных.

Понятно, что у «пристрастного отношения к высоте своих достоинств» очень много реакций и проявлений, но какие такие реакции могут быть у безразличия, у «бесстрастного отношения»? Какие могут быть проявления, когда отсутствуют побуждения как-либо реагировать?

А у скромности-то, оказывается, нет никаких проявлений. Оказывается, что скромность обнаруживается только как отсутствие привычных и повсеместных проявлений гордыни. Поэтому попытки дать определение тому, что никак не проявляется, и уводят мысль куда попало. Дать определе-

ние скромности непростая задача.

«Замечая же, как званые выбирали первые места, сказал им притчу: когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: „уступи ему место“; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место». (Лк.14:7–9)

«Услышав сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подзвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом». (Мф.20:24–27)

«В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном». (Мф.18:1–4)

«Пришел в Капернаум; и когда был в доме, спросил их: о чем дорогою вы рассуждали между собою? Они молчали; потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше». (Мк.9:33–34)

«Молчали», ну стыдно как-то признаваться, что опять спорили о том, кто первый, лучший и главный. Вот уже и Тайная Вечеря, а апостолы все спорят о том, кто из них глав-

ней. Понимая, сколь разрушительна гордыня, и видя, что никакие увещевания на учеников не действуют, Сын Божий, собирающийся на свою собственную казнь, совершил невероятное:

«Влил воды в умывальницу и начал обмывать ноги своим ученикам и обтирать полотенцем, которым был подпоясан... Когда же умыл им ноги и одел одежду Свою, то, возлегши опять сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг Другу. Ибо Я дал вам пример чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам». (Ин.13.5,12–16)

Человек перед казнью не может так поступить, человеку в такой момент не до морального облика тех, кто остается жить. Так мог поступить только Бог. В той иудейской традиции ноги гостям и хозяевам мыли рабы. А тут ноги человека моет Бог, идущий на смерть. Разумеется, что речь в этом нравственном уроке идет не о мытье ног. Спаситель как обычно воспользовался образным выражением мысли, которую Он хотел донести.

Смирение означает то же, что и скромность – «бесстрастное отношение к высоте своих достоинств», но в этом случае язык не поворачивается сказать, что Господь явил скромность. Смирение – это, я бы сказал, скромность превосходства. Смирение – это вам не застенчивость, и не глазки долу,

это качество достоинства и силы. А когда я вижу обряд, где гордец делает вид, что моет ноги другим гордцам, я вижу в этом лишь обезьянничание.

Избежать ловушек гордыни, приводящих иной раз к очень тяжёлым формам нравственной деградации, возможно только пренебрегая «авторскими правами» на свои достоинства и достижения, относя их на счет судьбы, случая, воспитания, участия других, врожденных способностей. Верующий же, памятуя о божьей всепричинности, все свои достоинства и достижения должен считать вверенными ему «талантами», которые ему вменено реализовать.

«Я ничего не могу творить Сам от Себя, как слышу, так и сужу и суд Мой праведен, ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца». (Ин.5:30). «Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали то, что должны были сделать». (Лк.17:10).

И хотя скромность никак не проявляется, в силу своей поведенческой естественности, все же попытаемся немного восполнить этот понятийный пробел...

Бесстрастное отношение к высоте своих достоинств освобождает человека от необходимости притворяться, чтобы представляться в выгодном для себя свете, что позволяет человеку быть естественным и непринужденным.

Бесстрастное отношение к высоте своих достоинств чувствует себя естественно как на дне общества, так и среди его

элиты. Чувства же гордеца, при такой перемене ситуации, меняются от презрительного высокомерия до чувства неполноценности.

Бесстрастное отношение к высоте своих достоинств благожелательно к обладателям меньшего социального статуса, гордость же лишь скрывает свое презрение к «ничтожествам» за лицемерной вежливостью, а при удобном случае даже и не скрывает.

Скромность сохраняет непринужденность отношений, ибо не обнаруживает неравенства, а также не стремится и не боится его обнаружить, тогда как гордость и зависть создают вокруг неравенства лицемерно-напряженное умолчание.

Скромность порождает взаимоуважение даже между хозяином и прислугой, тогда как гордость сеет неприязнь даже среди друзей.

Проявления чужого превосходства непроизвольно «унижают» гордыню окружающих. По одной этой причине бесстрастное отношение к высоте своих достоинств носит тотальный миротворческий характер. Грубые, демонстративные, неуважительные проявления гордости обычно скрывают из страха нажить себе или врагов, или дурную репутацию, или в соответствии с приличиями. Но при этом чувства и эмоции гордости никуда не деваются, а потому гордость так или иначе проявляется в скрытых, вторичных формах. Коварство гордости заключается в том, что она, оставаясь незаметной, разрушает гармонию мира своими косвенными

и необычайно многообразными проявлениями.

Один из важнейших предметов гордости – это положительная репутация, но притворяться человеком приличным гораздо легче, чем быть таковым в действительности. И человек, разумеется, идет по легкому пути, по пути притворства. Человек нравственно не очень здоровый вынужден непрестанно пребывать в состоянии лицемерности. Лицемерие становится естественным для человека настолько, что перестает распознаваться как некое лукавство. Лживая благопристойность становится настолько органичной человеку, что ее уже и не отделить от настоящего характера личности. Но в этом есть и некоторые плюсы, ведь если бы лицемер чистосердечно позволял себе быть хамом и подонком, то было бы еще хуже.

Гордец ищет лестного мнения о себе у окружающих и при этом испытывает к ним же скрытую недоброжелательность за свою зависимость от их мнения. Человек, стремящийся к благоприятному мнению о себе, утрачивает свободу быть самим собой, он становится марионеткой общественного мнения. А если честолюбец, стремящийся к лестному мнению о себе, попадает в сообщество с бесчеловечными нравами, то он легко принимает их, для того чтобы завоевать уважение такого социума. А не принять дурные нравы или даже выступить против них означает обречь себя на презрение такого сообщества. Как и учил Господь: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

Но и борцам за правду гордыня уготовила свое коварство. Моральное превосходство может легко обернуться гордыней превосходства над «порочным стадом». Гордыня морального превосходства делает человека самодовольным, высокомерным, презрительным, злым. Иные «борцы за правду» в упоении своим «благородством» бывают отвратительней конформистов. Чтобы избежать падения под весом своего морального превосходства не следует превозноситься над «греховодниками и соглашателями», а следует любить их, как любят неразумных детей, ну или, в крайнем случае, как больных. Удивительно, но без любви правда и справедливость легко обращаются в гордыню и несправедливость. Поэтому поосторожней надо быть с праведным гневом, уважаемые борцы со злом. Тем более, что и «тупое стадо» иногда бывает правым.

Гордость получает удовлетворение только в сравнении с меньшими достоинствами окружающих. При обнаружении у других больших достоинств, гордость оборачивается чувствами зависти, досады, неполноценности. Стремление к предметам гордости – это скрытое стремление стать объектом зависти. Но за удовольствие смотреть «сверху вниз» с гордостью, человеку неизбежно приходится расплачиваться необходимостью смотреть «снизу вверх» с завистью. Зависть – это обратная сторона гордости, это страдание гордости, уязвленной превосходством чужих достоинств, благ, успехов.

Зависть унизительна, поскольку является болезненным для гордости признанием чужого превосходства, а потому зависть всегда скрывается, неосознанно замещаясь злословием, неприязнью, осуждением, осмеянием, ненавистью, направленными на объект зависти. А причины для недоброжелательности завистливый ум всегда находит.

Зависть всегда оправдывает свое негодование стремлением к справедливости, но как достичь справедливости, если у каждого завистника свои представления о ней? Вульгарное стремление к справедливости – это всего лишь стремление уязвленной гордости (зависти) уничтожить чужое превосходство, опустить возвысившихся до своего уровня.

Благородная, но утопичная идея социального равенства и справедливости издавна использовалась для разжигания ненависти и оправдания насилия, что порой приводило к огромным человеческим жертвам и перераспределению благ, но никогда не приводило ни к равенству, ни к справедливости. Потому что возвысившаяся зависть неизбежно обращается в гордость и уже презирает «меньших», вымещая свою прошлую униженность.

Чувство неравенства возникает не из-за имущественного, иерархического или какого-либо иного расслоения общества, но из-за неравенства в праве на уважение, которое определяется в иерархии гордости мерой причастности человека к статусным ценностям.

Обладатель высокого социального статуса, возможно, и не

испытывает высокомерного пренебрежения к окружающим его «ничтожествам», но с недоброжелательностью зависти он столкнется непременно. Владелец же низкого социального статуса, возможно, никому и не завидует, но с презрением, исходящим от некоторых «хозяев жизни», столкнется и он. Нравы общества очень сильно зависят от того напряжения, которое возникает между презрительным высокомерием, исходящим «сверху», и завистливой неприязнью, исходящей «снизу».

Чувство социального равенства может определяться только равенством в праве на уважение, но равенство в праве на уважение невозможно устроить для других (для всех), потому что чья-либо гордость при любых условиях будет уязвлена чьим-либо превосходством. Равенство осознается и принимается только лично каждым, как признание всеобщего равенства по праву человеческого естества.

Чувство человеческого достоинства основано на чувстве равенства, тогда как чувство гордости основано на чувстве превосходства. Самоуважение человека складывается как из гордости, так и из достоинства, но чем выше человек ставит предметы гордости, тем менее у него остается уверенности в праве на беспричинное самоуважение, то есть на чувство достоинства.

Гордец определяет свое достоинство статусными ценностями, к которым он причастен, и в случае их недостаточности испытывает чувство ущербности. Таким образом, гор-

дость убивает в человеке чувство достоинства, которое способно сформироваться только через отвержение иерархической значимости статусных ценностей.

Гордость отвергает свое равенство с обладателями низкого социального статуса, но зато претендует на равенство с носителями статуса большего, что создает неразрешимое социальное противоречие. Неуважительное отношение гордости к «ничтожествам» неизбежно оборачивается для неё болезненно мнительным самолюбием, ибо человек произвольно переносит свое отношение к «меньшим» на отношение «больших» к себе. Уважительное же отношение к обладателям низкого социального статуса утверждает человека в чувстве достоинства перед «большими».

Сколь высокого статуса ни достиг бы гордец, он всегда будет страдать от недостатка собственной значимости, он всегда будет устремлен к признанию и возвышению. Безысходность гордости в ее ненасыщаемости. Разрастаясь, гордость стремится превзойти все. Исход гордости возможен разве что в претензии на место Бога, как это однажды уже случилось, если верить Преданию.

«Стыд» гордости возникает, когда обнаруживается несостоятельность человека в том, что является для него статусной ценностью. Поэтому каждый предмет гордости налагает на человека бремя ответственности за соблюдение его положительного образа. Отсюда возникает тревога за благоприятное мнение о себе, которая проявляется в виде мнитель-

ности, обидчивости, подозрительности, ранимости, застенчивости, а такого рода проявления уже и не определяются как проявления гордости.

Стыд же совести возникает из-за попра́ния своих нравственных убеждений в угоду своим интересам. Вот и в понятии стыда мы сталкиваемся с лукавством общественной морали, подменяющей нравственные понятия. Двойственность морально нравственных понятий наводит на мысль о какой-то дьявольской злокозненности в этом странном феномене.

Психология гордыни – это огромный и совершенно неразработанный пласт представлений о человеке. Такая интеллектуальная нетронутость гордыни обусловлена вероятно тем, что присматриваться к этой стороне человеческой порочности очень неприятно. И только из святоотеческой литературы можно почерпнуть достаточно полное представление об этом удивительном нравственном феномене.

Нравственность насилия

Абсолютное, безоговорочное великодушие (уступчивость, снисходительность, терпение, прощение) не способно привести наш мир к социальному согласию, потому что полное непротивление злу неизбежно приведет к его воцарению.

Совсем уж очевидному и грубому злу противостоит сила закона и государства. Существование права само по себе свидетельствует о том, что не всякое зло заслуживает снисхождения в соответствии с евангельскими заповедями. Но и не всякое зло подпадает под действие правовых норм. Существует множество агрессивных, недружественных форм поведения, до которых руки закона не дотягиваются. Грань между правонарушением и асоциальным поведением не очень четкая. А в этом правовом зазоре неэтичное поведение может быть весьма грубым, экспансивным и психологически очень тягостным.

И как с этим быть? Следовать евангельским заповедям о прощении пока тебя не убьют или не покалечат? Или «добро должно быть с кулаками»? Проблематичность этого известного тезиса заключается в том, что же следует считать добром, если каждый считает добром только свои собственные мнения, интересы и права. Этак два «добра» могут и поубивать друг друга в борьбе за «справедливость». В конфликтах

обе стороны всегда считают себя правыми, но по логике хотя бы одна из сторон всегда не права. И это всегда не мы.

Корысть, гордыня, злопамятность, мелочность, мстительность, беспринципность, эгоистичность, зависть, жадность имеют более всего претензий на утверждение своего «добра» и своей «правды». Но можно ли верить в справедливость путей и целей, преследуемых такими чувствами и мотивациями?

Совесть же на путях справедливости не обманется беспринципностью.

Любовь не обманется эгоизмом.

Великодушие – мстительностью.

Умеренность не обманется корыстолюбием.

Скромность на путях справедливости не обманется стремлением к превосходству.

Объективность нравственности в конфликтной ситуации обусловлена тем, что она оценивает ситуацию по совести, а не по личным интересам и амбициям. Только человек, способный с истинным смирением подставить другую щеку, способен объективно оценить, когда дать в морду будет бóльшим благом, нежели проявить великодушие. Для доброго человека конфликт противоестественен, применение насилия для такого человека является попранием своего естества. В этом залог справедливости, исходящей от доброты, терпения и смирения, даже если человек добрый оказывает весьма жесткое силовое противодействие. Справедливость

– категория сугубо нравственная и определять её способно только утончённое, бесстрастное нравственное чувство. Только нравственное мировоззрение способно обеспечить объективное понимание справедливости.

Часто встречающаяся ситуация непротivления злу, которая приводит к трагичным последствиям, – это непротivление родительской любви злым, истеричным детям. К счастью, таких детей немного. Да, ребенок не виноват, что родился с таким характером. Он не понимает, что он делает что-то не так. Ему, в силу его возраста, ничего невозможно объяснить. Но когда избалованный ребенок подрастает и с удивлением обнаруживает, что мир не мамка и всем наплевать на его прихоти и капризы, то тут начинается самое тягостное, и для ребенка, и для людей, которые его окружают. Да, подросток уже не будет биться в истерике валяясь по полу если что-либо происходит не по его разумению, но характер-то никуда не девается.

По сравнению с нравственным воспитанием, вся остальная педагогика гроша ломаного не стоит, но кому заниматься нравственным воспитанием, если родители и педагоги в лучшем случае нацелены на успешность ребенка, а о нравственном и сами имеют весьма смутное представление.

Вышесказанное ни в коей мере не отрицает добродетели великодушия (уступчивости, снисходительности, терпения, прощения). Если бы люди не прощали друг друга бессчетно, то наш мир стал миром всеобщей и вечной ненависти. Зна-

чимость великодушия заключается в том, что прощение – это единственный способ нейтрализации зла, возникающего в бесчисленных столкновениях человеческих интересов и амбиций. Прощение упраздняет зло, злопамятность его накапливает, мстительность – преумножает.

Мир любого сообщества балансирует на грани между злом совершенным и злом прощенным. Каждый человек порождает меру своего зла, своим же великодушием уничтожает меру зла чужого. Соотношение этих мер и определяет меру социальной дружелюбности человека.

«Блаженны миротворцы» (Мф.5:9). Человеку не так часто доводится исполнять посреднические функции миротворца, но сохранять мир, являя добродетель великодушия, ему доводится непрестанно.

«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какой мерой мерите, такой и вам будут мерить» (Мф.7:1,2). Но как можно не давать негативную оценку асоциальному, а тем более преступному поведению человека? Человек же не дурачок какой, он же все видит и все понимает. А дело в том, что негативные оценки этически сильно разнятся. Предосудительность негативной оценки определяется мерой гнева, ненависти, озлобления и мстительности, в которой пребывает судящий. Бесстрастная же, сухая констатация несправедности извинительна, даже если человек ошибся в своем понимании ситуации. Бесстрастная констатация чужой несправедности оставляет человеку воз-

возможность легко изменить, или смягчить своё мнение, тогда как гнев и гордыня, сопровождающие осуждение, делают такое «отступление» невозможным. Традиционное святоотеческое разделение человека и его греха проходит именно по линии гнев – бесстрашие.

«Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф.5:22). А как это – «напрасно»? Разве кто-нибудь впадает в гнев по пустякам и несправедливо? Да запросто! Что сообразно интересам борца за «справедливость», то и объявляется справедливостью. Иногда и геноцид воспринимается обществом как правое дело, а без ненависти такое нравственное извращение совершенно невозможно.

«Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним» (Мф.5:25). Замечено, что перед смертью нравственное чувство подает какой-то необычный сигнал о необходимости примириться с теми, кто остается жить. Примириться и оговорить всякие межличностные недоразумения, чтобы не осталось никаких недоговоренностей в отношениях. Наверно, человек чувствует, что когда-нибудь все камни, припрятанные у него за пазухой, откроются и тогда будет стыдно. Не свидетельствует ли это чувство о материальности зла, и о том, что нелюбовь не может исчезнуть просто так, без личных волевых усилий к миру.

Прощающий утверждает тем самым и свое право на прощение, мстительный же отрицает и свое право быть прощенным. Добродетель великодушия заключается именно в спо-

способности прощать. Прощение – это не отступление слабости, не страх трусости и не лицемерное смирение, прощение – это отказ от претензий на воцарение своей гордыни в конфликте.

«Не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф.5:39). Эта заповедь вызывает наибольшее неприятие, однако сторонникам мести следует вспомнить и другие слова Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15:13). Уязвленная гордыня требует мести, но она может быть совершенно безучастна к чужим унижениям. Любовь же ранится страданием других, но отказывается от личной обиды во имя мира. Заступничество требует от человека мужества и благородства, тогда как мстительность руководится лишь уязвленной гордыней. Справедливость заступничества в его сторонней беспристрастности, тогда как личная месть алчна, слепа и разрушительна, а потому не следует увязывать моральность защиты Отечества или другого человека с моральностью права на личную месть.

Человеку свойственно слепо оспаривать все, что задевает его гордость. Проявления превосходства чужой правоты, прав, убеждений, ума, силы уязвляют гордость, что вызывает у человека стремление утвердить свое превосходство в конфликте, именно превосходство, а вовсе не правоту и справедливость, даже если они объективно на его стороне. Желание отомстить, ответить, оставить за собой последнее сло-

во в конфликте – это всего лишь желание возместить ущерб, нанесенный гордости проявлениями чужого превосходства, иногда даже мнимого. Чужое превосходство, в той или иной степени всегда досадно для гордости, а потому человек гордый неосознанно реагирует на него неприязнью, злословием, осмеянием, осуждением, а в конфликтных ситуациях и насилием.

Гордость можно уязвить только в иерархии тех статусных ценностей, которые значимы для человека. Например, если у девочки недостаточно модная кукла, то ее гордость может быть легко задета насмешкой или публичным вниманием к этому обстоятельству. Но попытка уязвить честолюбие взрослой женщины тем, что у нее нет модной игрушки, такого эффекта, разумеется, не возымеет. Таким образом, любая статусная ценность, актуальная в данное время и в данной среде, является условием, способным породить конфликт честолюбий.

Честь честолюбия относится к категориям морали и определяется неприкосновенностью статусных ценностей (предметов гордости) человека. Честь же честности относится к категориям нравственного и определяется непротиворечивостью своих поступков со своей совестью. Таким образом, и двойственность такого понятия как «честь» свидетельствует о глубоком различии между нравственным и моральным.

Ксенофобия (клановая неприязнь) – это особая, в своей беспричинности, форма недружественности по отношению

к чужим, иным, другим, к отличающимся, выделяющимся и непохожим. «Чужих» обычно отличают: национальность, вероисповедание, социальное положение, уровень благосостояния и образования, убеждения, образ жизни и даже внешний вид.

Беспочвенная на первый взгляд неприязнь к «чужим» порождается гордыней клановой правильности и клановыми представлениями о должном. Но такие причины недружелюбности осознавать неприятно, а потому они всегда подменяются идеями «справедливости».

Молох неумеренности

Неумеренность – (жадность, невоздержанность, прихотливость, алчность, капризность, пристрастие к чему-либо, сребролюбие). Природу неумеренности удобней всего рассматривать через пристрастие к деньгам, потому что деньги способны реализовать почти все остальные желания. Пристрастие к деньгам – это не пристрастие к «разноцветным фантикам», это пристрастие к тому, что за них можно получить. Что же за них можно получить и от чего избавиться...

Страх перед бедностью. Покой обеспеченности.

Дискомфорт бедности. Удовольствия обеспеченности.

«Постыдность» бедности. Гордость обеспеченности.

Вот собственно и все причины любви к деньгам.

«Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк.12:15). Разве? Неужели богатые тоже плачут? На первый взгляд богатство дает человеку все необходимое для счастья, а потому неудивительно, что стремление к богатству является единственной целью жизни большинства людей. Но если человек болен или несчастен в личной жизни, если он страдает от жадности, зависти, страха или ненависти, то богатство не принесет ему облегчения.

Никакое богатство не способно удовлетворить алчного, потому что его желаниям нет предела. Алчность порождает

непрестанное страдание от недостаточности бытия, и только бесстрастное отношение к мере своего благополучия способно дать чувство достатка. Счастье не в деньгах, а в их ненужности. Вот такой вот парадокс.

Каждый отдельно взятый предмет имущества необременителен, но когда их становится много, то человек попадает в пожизненное безысходное услужение к своей же собственности. Жадность превращает жизнь человека в период накопления, ограниченный смертью. Человек стяжатель живет будущим, которое никогда не наступает.

«Человек хотящий» иногда замечает безысходность жизни-накопления, и начинает страдать от бессмысленности своего существования. Но алчному больше нечем наполнить свою жизнь, он безразличен к искусному и духовному, ибо прекрасное не несет в себе ни пользы, ни выгоды. Круг интересов стяжателя сужается до проблем прибыли, накопления и экономии, поэтому корыстолюбивый примитивен, ограничен и прозаичен. Корыстолюбие приносит богатство единицам, но забирает жизнь у всех, кто подчинил ему свою волю. За деньги человек платит жизнью.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не у всех человек есть возможность проявить себя в «беспольном» служении музам, в духовном и творческом, а потому и не следует строго судить человека, которому по жизни и заняться-то нечем кроме как положить свою жизнь на алтарь своего благополучия. Проблема лишь в том, а не принёс

ли человек на этот алтарь в качестве жертвы свою честь, совесть и человечность. Мера достигнутого благополучия никак не соотносятся с пристрастным отношением к деньгам, например, Билл Гейтс самый богатый не потому, что он самый жадный, просто жизнь так сложилась.

«Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф.6:34). «Не заботьтесь» – бездельничайте, что ли? Но откроем словарь синонимов, и что мы там видим в главе «заботиться» – беспокоиться, тревожиться, переживать, волноваться, печалиться. Вот и замечательная русская пословица подтверждает «тревожное» толкование слова «забота»: «Не работа сушит, а забота».

Труд и страх за свое завтра – это два разных процесса. Наше будущее зависит не от того, как сильно мы за него волнуемся, но лишь от того, что мы для него делаем. Страх за свое будущее порождает только страдания и даже может привести к расстройствам фобического спектра. Так что в этой своей заповеди Спаситель позаботился еще и о нашем психическом состоянии.

«И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее... И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее... И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его» (Мк.9:43,45,47). Иисус, как это часто бывало, выразился образно и категорично. Разумеется, не следует понимать эту заповедь буквально, а то ж мы так без рук, без ног останемся. А вот обратить внимание на нрав-

ственную опасность желаний следует.

Категоричность этой заповеди, вероятно, обусловлена тем, что желания не воспринимаются как зло. Потому и призыв калечить себя для пресечения желаний даже как гиперболой представляется несообразно строгим. Но какой бы безобидной ни казалась естественная человеческая способность хотеть, следует помнить, что именно желания являются первопричиной всего зла – от мелких пакостей и до преступлений. Человек ничего дурного не сделает, если не будет этого хотеть. Так что лучше обезвреживать недобрые намерения на дальних подступах к их реализации, как и заповедовал Господь.

Неумеренность в желаниях способна подчинить волю и совесть человека, сделать его сварливым, завистливым, раздражительным, эгоистичным, жестоким, а порой и просто опасным. Страсть к насыщению своих потребностей неизбежно изживает в человеке доброту, поскольку всякое «да», сказанное другому, это «нет», сказанное себе.

Если упразднить закон и правоохранительные органы, то общество сразу разделится на тех, кто возьмет в руки оружие и постарается урвать себе столько, сколько позволят более слабые, на тех, кто будет досадовать на свою неспособность воспользоваться «благоприятной» ситуацией, и на тех, кто категорически отвергнет такие нравы. Мы не знаем, кто как себя поведет, а Господь знает...

«Человек хотящий» ненадежен как злая собака на тонкой

цепи, и если гарантировать всем хотящим полную безнаказанность, то общество будет просто растерзано насилием и беззаконием. Но и без таких умозрительных крайностей очевидно, что господство желаний над совестью определяет меру человеческой недружественности и непорядочности.

Желания совершенно не похожи на зло, злом представляется лишь попрание интересов и чувств окружающих в стремлении эти желания удовлетворить. Но первопричиной зла неумеренности являются именно желания. Зачастую человек не совершает зла для реализации своих желаний только из страха перед осуждением и наказанием. А такой человек по сути не является честным, но лишь трусливым, слабым и лицемерным. В проявлениях человек показной, в желаниях – истинный. «Праведность страха» в традициях общественной морали истинна, но Бога-то не обманешь.

Побуждением Бога к сотворению человека, по всей видимости, было Его желание поделиться радостью бытия. Многообразие удовольствий нашего мира не может быть случайным совпадением человеческих чувств с богатством и гармонией мироустройства. Это многообразие отрадности бытия можно объяснить только тем, что Сам Господь предусмотрел и наполнил для человека все возможные источники радости. Но человеку трудно остановиться в стремлении к преумножению удовольствий. Нравственно-аскетической задачей человека является сохранение свободы воли от пристрастия к преумножению своего благоденствия.

Суть аскетического баланса между желаниями и свободой от их диктатуры очень точно сформулировал апостол Павел: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор.6:12).

Добродетель умеренности заключена не в скудном существовании, но в бесстрастном отношении к мере своего благополучия. Зло же неумеренности заключается не в благоденствии, но лишь в том, какую меру беспринципности, бесчестности, бездушности, эгоизма и даже жестокости, человек готов явить в стремлении к преизобильности своего бытия.

«Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь, блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь» (Лк.6.21). Сложно судить, воспитывает ли скудость нашего бытия умеренность в человеке. Но приведенное выше обетование Господне свидетельствует о том, что недостаточность нашего мира способна привить человеку какую-то меру аскетичности. Мера благополучия оценивается только в сравнении, поэтому пережитые лишения невольно заставляют человека соотносить свое положение с изведанным худшим. Стесненные условия нашего бытия вероятно наиболее благоприятны для того, чтобы человек мог хоть немного проникнуться навыками аскетичности.

Разумеется, несовершенства нашего бытия не способны благотворно повлиять в равной мере на всех. Иной и в избушке может быть счастлив, а иной и во дворце страдает

от прихотей. Мера достаточности благ, то есть меру своей счастливости, каждый определяет сам для себя. Счастье – это удовлетворенность настоящим.

Непонимающий причин страдания человек полагает, что он или безразличен Богу, или даже что Бога нет, иначе, думает он, мир не был бы столь тягостен для пребывания в нем. В действительности же, недостаточность бытия обусловлена лишь аскетическим несовершенством человека. Страдания вероятно играют главную роль в приведении невоздержанного человека к преодолению его неумеренности. Тяготы, заботы, тревоги, лишения, несчастья, болезни, бедствия и беды призваны усмирить естественную человеческую ненасытность, а вовсе не в наказание за райское яблочко. Человека же, который ничему не научится в нашей школе аскетичности, человека жадного, капризного, прихотливого, невоздержанного преизобильность бытия просто погубит. «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф.7:14).

«Трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф.19:23). А почему трудно? Ну родился человек в семье миллиардеров, в чем его вина? Дело, видимо, не в больших деньгах, а в больших соблазнах и в большей моральной ответственности. Богатый обречен нести по жизни чувство неловкости перед теми, кому он мог бы помочь суммой, которая для него ничего не значит. Или как сказал один французский аббат: «Только благотворительностью и можно за-

ставить простить себе богатство».

Но нести по жизни моральную ответственность больших денег тяжело, проще скинуть ее вместе с чувством соперничества. А человек, изживший в себе способность сочувствовать, обречен на нравственную деградацию. Да и благотворительность богатого недорого стоит. Вспомним хотя бы две жалкие евангельские лепты. Жертвенность бедного – это совсем другая мера жертвенности.

Таинство лицемерия

Если бы гордыня благопристойности не понуждала человека представляться человеком приличным в глазах окружающих, то общественные нравы вероятно опустились бы до грани уголовного кодекса. Общественная мораль не имеет отношения к нравственности, но она по крайней мере принуждает человека к поведенческой предсказуемости моральных норм, принятых в том или ином сообществе. Плохо что общественные приличия обычно воспринимаются как кодекс нравственной безупречности. Хотя всем известно, что приличный и даже богобоязненный с виду человек, не нарушающий ни одного закона, запросто может оказаться отъявленным негодяем. Так получается потому что самая значимая составляющая человеческой порядочности находится в области нравственного, нравственность – это зона личной этической ответственности.

Безнравственность не сильно бросается в глаза, да и общество к ней снисходительно. Но в конечном итоге плохо скрываемые проявления гордыни, озлобленности, жадности, бесчеловечности, беспринципности, высокомерия, лукавства, эгоизма всё же оставляют о человеке не очень благоприятное мнение у людей нравственно чутких. Люди же нравственно туповатые тонких проявлений зла не замечают, особенно если подонок свой человек, единомышлен-

ник из близкого окружения подпадающий под действие клановой солидарности.

Главным средоточием (без)нравственности является мышление, потому что мысль никак не контролируется окружающими. Иной и в мыслях сохраняет благородство, порядочному человеку и думать стыдно то, что он не может открыто высказать. Но если мы видим циничного, беспринципного пошляка, то можно легко предположить, что мысли его гораздо грязней его слов. Или как сказал Господь: «...злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его.» (Лк 6:45)

Мера лицемерности человека определяется его нравственным состоянием. И если человек, живущий по совести, может себе позволить быть самим собой, то человек-пакостник вынужден непрестанно практиковать лицемерие. И эти два типажа на первый взгляд ничем не различаются. Потому и бытует мнение, что люди в нравственном плане примерно одинаковы. Даже Чикатило с виду ничем не отличался от простодушного советского интеллигента.

Моральный уровень человека выглядит примерно одинаково, но это равенство очень обманчиво. Нравственное состояние человека определяется не тем, что он говорит и делает, а тем, что человек не может открыто себе позволить. Быть самим собой человек может себе позволить только в условиях совершенной свободы и совершенной безнаказанности. Скажете, такой мир невозможен? Но именно такой

мир Господь и строит! Просто Царство небесное – это не мир святош, обрядоверов и религиозных фанатиков, это мир чело­веков, совершенная свобода которых сообразна социаль­ной гармонии. Это братство, но не клерикальная диктатура «правильной» Церкви, как некоторые полагают.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды.» (Мф.23:25)

Человек добрый удерживается от зла главным образом своими нравственными убеждениями, человек же лицемер­ный – страхом перед наказанием и дурным мнением о се­бе. Кстати, страх перед общественным мнением зачастую и определяется как действие совести. Лицемер, в обычной жизни производящий впечатление вполне приличного чело­века, в кризисной ситуации может открыться с очень не­ожиданной стороны и сильно удивить моральным уровнем сво­их действий и суждений. Злая воля, разрушающая внутрен­ний мир человека приватна, но она неизбежно изливается на окружающих, когда приходит время.

Человек не может быть чистосердечным, не изжив тех ка­честв, которые ему приходится скрывать. Все те проявления характера, которые человек вынужден прятать, накладыва­ют на человеческое поведение отпечаток фальшивости. Ме­ра этой фальшивости определяется и искусностью челове­ского притворства, и масштабом того, что человеку прихо­дится скрывать.

Человек может имитировать добродетельность, например, из страха перед адом, но Бога-то не обманешь. Или как говаривал св. Марк Подвижник: «Бог ценит дела по намерениям их». То есть, добродетель, которая практикуется в расчете на вознаграждение, для Бога ничего не стоит. Потому что добродетель, движимая выгодой, прекращает своё существование, как только перестает приносить пользу.

Лицемерие стало для Христа собирательным образом неправедности потому что за лицемерием скрывается вся остальная человеческая порочность... «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою» (Мф.6:2). Слава человека добродетельного может быть настолько соблазнительна в определенной среде, что человек может имитировать добродетельность и ради славы. Но это же чистое тщеславие, хотя на первый взгляд и выглядит как добродетельность.

В каждой социальной среде есть свои предметы гордости. Так получилось, что в религиозной среде главный предмет гордости – это добродетельность. Поэтому лицемерно благочестивая модель поведения и получила такое распространение в Церкви. И ничего с этим не поделать, хотя такая модель поведения и производит довольно тягостное впечатление на людей, смотрящих на нравы Церкви со стороны. Есть в Церкви противоядие и против этой заразы – это юродство,

но высокое искусство валять дурака в пику святошеской благопристойности, к сожалению, дано очень немногим.

Весьма обширная нравственная проблема «лицемерие – искренность» не является нравственно первичной, она является лишь следствием общего нравственного состояния личности. Лицемерие (лукавство, притворство, неискренность, лживость) свойственны человеку лишь в той мере, в какой человеку приходится скрывать свою безнравственность.

Например, человек беспринципный и бессовестный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать благородство и порядочность.

Человек злой и эгоистичный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать благожелательность и доброту.

Человек обидчивый и мстительный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать великодушие и снисходительность.

Человек жадный и корыстный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать щедрость и бескорыстность.

Человек высокомерный и тщеславный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать скромность.

Догматика и математика

Достоверность точных наук была весьма высока на протяжении всей истории человечества. История же естественных наук – это история ложных гипотез, заблуждений, а порой и откровенного мракобесия, которые опровергаются по мере развития науки и далее уже не поминаются, дабы не осквернять светлый образ научного знания. Но достаточно вспомнить о существовании комиссии по борьбе со лженаукой при Президиуме Российской академии наук, чтобы понять, что и сегодня ситуация не сильно изменилась.

Гуманитарные же науки вообще не имеют хоть сколько-нибудь полной и общепринятой теории личности, не имеют общепринятого представления о базовой структуре личности, индивидуальности, ипостаси человека. Нет фундаментального, парадигматически целостного представления о самом «предмете изучения», поэтому гуманитарные теории и напоминают описания слона слепцами из известной притчи.

Человек имеет неполное, поверхностное, а порой и ложное представление даже о самых простых и очевидных предметах. Но есть одна область знания, завершенная во всей своей полноте и окончательности еще в средние века, – это знание о Боге, о Его природе, воле, аксиологии, предпочтениях, намерениях и путях домостроительства. Категориче-

ский богословский догматизм однозначно свидетельствует именно о том, что Бог давно и окончательно познан. Догматика позиционируется как предел богопознания, а независимое богословие преследуется самыми суровыми прещением, вплоть до смертной казни. Спасибо атеизму, гуманизму и просвещению за то, что остановили это церковное зверство.

Развитие богопознания остановлено в самом начале его пути. Так и получилось по слову Божьему: «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали» (Лк.11:52).

Я понимаю протестантизм в его желании освободиться от догматизма богословской традиции. И, казалось бы, в условиях богословской вольницы уж точно можно превзойти окостеневший фундаментализм, но когда сталкиваешься с протестантским богословием, то с удивлением обнаруживаешь субъективизм и пустозвонство всемеро худшие. Почему-то не получается ничего путного у богословия, порвавшего с традицией. Протестантский тезис «только Писание» приводит лишь к тому, что Предание начинает свой путь по второму кругу, с нуля, и тут же заходит в тупики ещё больших благоглупостей.

Я понимаю первохристиан, понявших опасность тотальной «протестантизации» богословия и положивших границы (догматы) в областях наиболее значимых богословских представлений. Но догматизм стал проникать во все поры

Церкви, а в итоге мы получили Церковь в виде одного гигантского и тотального догмата, в котором все окаменело как в музее палеонтологии. Даже слово окаменело, и если в богословском тексте нет архаичной лексики и фразеологии, то уже по одной этой причине нет к нему доверия у книжников и законников.

Догматизированная Церковь направляет человека не к исповеданию Христа, а к исповеданию своих традиций и обычаев в которых, дескать и заключена спасительная модель вероисповедания. В такой вере вызревают только книжники и законники, а вот по детям Господним у Церкви хроническая задолженность перед Господом.

Если завтра наш Синод благословит православных исповедовать филиокве и креститься двуперстием, то я и глазом не моргну, потому что эти догматы не имеют для меня никакого значения. Но вы представляете, что скажут на это наши законники и обрядоведы, которых взрастила наша Церковь? Это же будет вселенская катастрофа для Церкви, такая же, как и те, которые уже случались по этим поводам.

Если у верующего не возникает никаких сомнений по всему спектру традиционных религиозных представлений, то это пустой верующий, бездумный. Думающий же христианин, даже если он по ряду положений и не согласен с «коллективом», должен помалкивать о своих сомнениях, обходить стороной трудные вопросы, лукавить, недоговаривать и придерживаться демократического принципа подчинения

большинству. А если человек не провозглашает свои сомнения о верности традиционных воззрений, то является ли он еретиком? А не является ли грехом молчание этого конформиста? Не предаёт ли он Бога своим молчанием?

В учебнике догматики сказано, что понятие «Церковь» настолько масштабно, что даже дать исчерпывающее определение этому слову невозможно. Вот так. Определение предмета неизвестно, но святость его догматизирована. В результате чего под «юрисдикцию» догмата о святости Церкви подпадает буквально все, что так или иначе с ней связано. И любое критичное слово в адрес хоть чего-нибудь традиционно-фактически является ересью и хулой на Церковь.

Например, в «главном догмате» Церковь определяется как единая и соборная. Однако поместные церкви враждуют между собой до такой степени, что их предстоятели гнушаются даже за один стол сесть друг с другом. Я уж не говорю про отношения с иными конфессиями. Но для Церкви и это не проблема, опытный демагог-законник и в такой ситуации может девятью разными способами «доказать» незыблемость девятого члена Символа Веры. При таком подходе и Московскую епархию можно будет считать Церковью, а весь остальной мир отпавшими от неё еретиками.

Догмат о святости Церкви лишил ее права на самокритичность, но предписал каноничность самодовольства. Конфессиональная гордыня является внутрицерковной добродетелью как свидетельство твёрдой приверженности человека

к истине. Тогда как попытки независимого богопонимания автоматически приравниваются к отпадению от Истины, от Церкви и от Бога.

Понятно какие нравственные последствия несёт для человека его самодовольство и отсутствие самокритичности, но не ведёт ли самодовольство к деградации так же и социальный институт? Ведь мы, люди, имеем дело именно с социальным институтом Церкви, а не с «мистическим телом», в существование которого можно верить только при достаточно богатом воображении. Вот и после слов святейшего Патриарха Алексия II возникает вопрос о святости Церкви... «Церковь – это и есть все мы, и что собою представляем мы, то собою представляет и Церковь».

Церковь предлагает человеку только комплексное вероисповедание, то есть, евангельское Откровение идет в пакете с бесчисленными догматами, канонами, правилами и всякий, кто пренебрегает этими заповедями человеческими, автоматически перестает считаться членом Церкви. Поверить в евангельского Бога не сложно, но как поверить в Бога Церкви, на которого повесили языческой мишуры как на рождественскую елку, повесили столько, что уже и образа Божьего за каноничными благоглупостями, суевериями и мифами не видно.

Церковь сетует на обмирщение общества, но глубинная причина этого разрыва в том, что миру нечего искать в организации, которая исповедует рабство своему уставу, обря-

ду и канону как единственно возможную форму богоугодности. Трудно найти Христа под многовековыми отложениями народного религиозного творчества, трудно очистить Его от налипшей на Него Церкви.

Но и миновать Церковь в процессе богопознания никак не получится, ибо слишком много значимого для понимания Бога в Церкви накоплено. Презирующий святоотеческое наследие обречен на исповедание глупостей и заблуждений личных, но преклоняющийся перед Преданием обречен исповедовать канонизированное язычество. Вот такая неразрешимая дилемма.

Тотально единообразная, окостеневшая Церковь, вероятно, является единственно возможным вариантом ее существования. Церковь подобна политической фракции, которая должна голосовать в парламенте единообразно, дабы сохранять свою жизнеспособность.

В авторитарном обществе порядок поддерживаются страхом и насилием, а в демократическом – сложным и непрестанным трудом политиков, которые изворачиваются как могут, дабы избежать использования репрессивных методов для поддержания стабильности общества. Церковь, для поддержания стабильности своего социального института, пошла по пути догматического насилия, потому что поддержание всеобщей свободы во Христе требует огромного, сложного, организационного и богословского труда от лидеров Церкви в процессе по-настоящему соборного богопознания.

А самодовольным и ленивым первосвященникам нужна такая обуза? А способны они понести такой труд в своей ограниченности и гордыне?

Закон Божий. Два кодекса

Если рассматривать материю на уровне элементарных частиц, из которых собственно и состоит весь наш мир, то совершенно естественно воспринимается их нематериальность. Элементарные частицы – это всего лишь волны, поля и энергии. На атомарном уровне понимание нематериальности материи уже немного размывается, несмотря на то, что атом состоит из практически стопроцентной пустоты. На молекулярном же уровне, ни о какой нематериальности материи уже и речи не идет, но все же следует иметь в виду, что ничего материального, материального в нашем обыденном понимании, в мире, – не существует. Материя создана из ничего, потому что никаких других материалов для ее создания не существует.

Законам существования элементарных частиц достаточно лишь дрогнуть, чтобы вселенная исчезла, как будто ее и не было. Но спасибо науке за нашу уверенность в завтрашнем дне, за то, что она не допускает изменяемости физических законов.

Научная теория, согласно которой вся материя вселенной одномоментно явилась из одной точки не менее сказочна, чем ветхозаветные легенды. Это та исходная точка знания, в которой Бог становится не менее научен чем наука. Но в невероятной научной гипотезе про точку сингулярности из

которой якобы появилась материя всей вселенной нет никакой необходимости, потому что из «точки сотворения мира» достаточно было изойти лишь закону существования элементарных частиц. Бог ничего не творит, Он только задаёт законы существования материи, а дальше всё в мире происходит само собой, что и наводит человека, познающего законы материи на мысль о том, что Создателя не существует.

О природе физических законов наука никогда не задумывается, потому что логика таких размышлений неизбежно ведет к Создателю. Первичней законов материи может быть только Бог. Для науки, именно законы материи выполняют роль Бога, потому что они как бы самобытны, существуют сами по себе вечно и неизменно во всей своей великой гармонии и великой полноте. Ученые же, которые задумываются о гармоничности, вечности, полноте физических законов, и о самом факте их существования, бывает, что и склоняются к идее «неперсонифицированного» (по определению А. Эйнштейна) Создателя, который, разумеется, не имеет ничего общего с Богом, презентуемым в Церкви. Изучение законов материи потому и отождествляется с пределом познания мира, что какая-либо причинность существования законов природы уже не допускается.

Гармония бесчисленных и взаимосвязанных законов материи – это продукт долгой экспериментальной и конструкторской работы. Законы бытия не являлись сами по себе вместе с предметами и явлениями, как только Господь вос-

клищал сакраментальное: «Да будет...». В противном же случае нам придётся признать, что законы существования материи столь же первичны как и Бог. А зачем тогда Бог нужен? Законы существования материи и без Него прекрасно обошлись бы в процессе эволюции бытия. И нет у Бога никакой необходимости погонять скорость развития мира под человеческую лезть его сказочному могуществу. Не надо попусту льстить Господу про шесть дней творения, загоняя богословие в рамки суеверий.

Не критично, когда легенды и мифы Церкви не вяжутся с современной наукой, плохо, когда они не вяжутся с элементарной логикой. Разум входит в противоречие не с идеей Создателя, но с фольклорными байками вероисповедания. Церковь погрязла в иудео-христианском фольклоре до такой степени, что и культ какого-нибудь Мумбы-Юмбы не сильно отличается от преданий Церкви. Сакральные, древние «знания» являются соблазном для религиозно романтического ума, поэтому устное народное творчество древних суеверов и обретает для суеверов современных статус совершенной истины.

История человечества – это всего лишь последнее мгновение на бесконечном творческом пути Создателя. Бог, даже чисто хронологически, прежде всего естествоиспытатель, физик-экспериментатор, гениальный инженер и ученый-материалист (в том смысле, что Ему больше не с чем работать, кроме как с материей). Бог – атеист, ибо Он не руководствуется

ничем мистическим, ритуальным и магическим. Его воля не имеет ничего общего с суетностью фольклорного персонажа, образ которого представлен устным народным творчеством в ветхозаветных бытописаниях, притчах и мифах. Бог рационален, логичен, прагматичен и чужд народных представлений о Нем.

Скажите, я представил Создателя как какой-то арифмометр? А как же знаменитое откровение: «Бог есть любовь»? А нет здесь никакого противоречия. Любовь – это точно такой же закон гармонии мира, как и законы взаимодействия элементарных частиц. Просто нравственный закон дан не мертвой материи, а носителям разума и свободной воли, носителям образа и подобия божьего. Если учёный безо всяких противоречий способен сочетать в себе рациональность и человечность, то что уж про Бога говорить...

И если нам кажется, что нравственный закон никогда не восторжествует, то это лишь потому, что мы измеряем эволюцию бытия вечерними выпусками новостей, у Бога же несколько иные временные мерки.

Гипотеза Дарвина ничего не доказывает, как минимум потому, что невозможно доказать неучастие Бога в процессе эволюции. А вот если взглянуть на коллаж представляющий эволюцию видов, то можно легко заметить, что низшие животные откровенно уродливы по сравнению с млекопитающими. И это мы еще насекомых, сопоставимых по своим размерам с млекопитающими, не видели, ну разве что в гол-

ливудских ужасиках. Хотя палеонтологи утверждают, что в истории Земли была эпоха гигантских насекомых.

А не потому ли в эволюции видов прослеживается еще и эстетическая тенденция, что у Бога поначалу и не было никаких эстетических критериев для живых существ, но только функциональные. Слава Богу, что Он не остановился в своих генетических экспериментах на каких-нибудь брюхоголовых или членистоногих. А рациональность «слепой» эволюции разве создала бы котиков, когда у нее уже был такой удачный вариант выживаемости, как крокодил?

Мощный старик, сидящий на облаке, – это совсем не тот образ, по подобию которого был создан человек. Напротив, это Господь явился нам во плоти того, кого Он создал. Тогда как для гордыни человека верующего, физиологическое единство с животными столь оскорбительно, что даже создание человека из грязи для него догматически предпочтительней. Но плоть ли отличает человека от животного?

P. S. Курс лекций по ядерной физике я прослушал почти полвека тому назад, и вероятно не очень внимательно. Поэтому прошу высоких профессионалов не судить строго мои идеалистические размышления о природе материи.

Нужны ли Богу рабы?

Вы доверяли бы раболепному холую? Вам лично понравился бы человек, который всё время заискивает перед Вами, льстит, кланяется, угождает, демонстрирует свою униженность? А в такой ли форме апостолы общались со Христом? А почему верующие полагают что Богу нравится такое отношение к Нему? Не оскорбительно ли такое отношение для Бога? Благоволит ли Он Церкви, за то, что она учит верующих такой модели религиозного поведения?

Даже человек положивший жизнь за ближнего своего достоин безусловного уважения, тем более невероятный акт самоотверженности Бога, совершённый на Голгофе, заслуживает этого. Но Богу поклоняются не как эталону самоотверженности, любви и смирения, явленному во Христе, а как тщеславному, злому и мстительному Начальнику от которого зависит повышение верующего по службе.

Человек зараженный гордыней, тщеславием и честолюбием, способен представлять Бога только в торжестве его силы и власти. Все языческие боги опираются на своё могущество, ибо придуманы людьми, которые не знают иных опор для господства кроме господства силы. Тогда как в Евангелии человек сталкивается с Богом мера смирения которого такова, что нравственно нездоровому человеку сложно вписать такого Бога в привычную логику мироустроения.

Но только воплощенные во Христе представления о Боге, и заслуживают человеческого доверия, почтительности и уважения. Вседержитель может быть только евангельским, потому что все остальные мифологические божества в сравнении с Христом – это могущественные ничтожества, назначенные холопскими фантазиями на роль Бога. И сколько бы человечество не придумывало себе богов по образу и подобию своему, это ни в коей мере не доказывает, что Бога нет.

У меня лично, нет ни одной причины верить в евангельскую модель мира, кроме нравственного облика евангельского Бога, только такой Бог и устраивает моё нравственное чувство. Только к такому Богу я готов относиться с уважением и почтительностью. Но следует иметь ввиду что евангельский Бог, Бог презентуемый в Церкви и Бог ветхозаветный это, как говорят в Одессе, три большие разницы.

Знаменитое пари Паскаля: «если Бога нет, а я в Него верю, я ничего не теряю. Но если Бог есть, а я в Него не верю, я теряю все». Апостол Иаков как-то возразил такому умнику: «и бесы веруют». Нравственно нездоровый человек уповает на то, что рабское преклонение перед Богом спасительно. Но Бог не имеет ничего общего с человеческим Кумиром, слепленным из человеческого властолюбия. Господь не тщеславен и не честолюбив, а потому человеческое раболепие для Него – ничто. Бог есть Любовь, и отзывается Он только на человечность человека, но не на его лакейство.

Поклоняются не личности Бога, поклоняются высочай-

шему «служебному положению» некоего Существа. А вероисповедание – это всего лишь попытка обольстить этого Носителя вселенской власти демонстрацией своей рабской униженности, обольстить с корыстными целями, разумеется. Когда такому человеку предъявляют, например, каменную плиту с надписью: «Я Господь, Бог твой», то, не возникает даже вопроса «а кто тот, кто это написал?». Трусливый и лицемерный человек сразу падает ниц перед этим камнем, так, на всякий случай, в расчёте на то, что эта демонстрация верноподданнического восторга ему потом зачтется...

Христианам проще, потому что свидетельства Сына об Отце позволяют нам вполне обоснованно судить о том, кто именно стоит во главе бытия. Но и в христианстве царит идея господства ветхозаветного Тирана над своими рабами. И эта по-язычески примитивная идея претендует на фундаментальность в понимании промысла божьего о мире и человеке.

Говорят, что власть приносит некое моральное удовлетворение, и что есть даже такая порочная страсть как властолюбие. Нравственно нездоровый человек произвольно проецирует на Бога традиционное человеческое представление о человеке властолюбце. И от этого Образа божьего никуда не деться, на нем основан весь рабовладельческий строй вероисповедания. Такая преданность идее рабства, возможно, обусловлена тем, что рабство – это единственный способ достижения социальной гармонии, который был очеви-

ден тем, кто формировал традиции вероисповедания во времена совсем уж бесчеловечных нравов, когда даже заповедь «Не убивай» была нравственным откровением.

Уход рабовладения из истории человечества обусловлен не технологической эволюцией, как нам объясняли в школе, а нравственной эволюцией человека. Иметь рабов и сейчас целесообразно, но неприлично и противозаконно. Нравственная нормативность рабовладения – это частное проявление порочности нравов, но оно весьма наглядно характеризует нравственное состояние общества. Так, например, еще в нацистской Германии рабовладение было нормой жизни.

Интересно отметить, что нравственный протест против рабовладения формировался в атеистической среде гуманистов и вольнодумцев. Церковь же против рабовладения никогда не возражала, потому что рабство совершенно естественно для нравов Церкви.

Стремление господствовать и повелевать никак не вяжется с образом Христа, да и некоего абстрактного Вседержителя тоже не красит. Иисус считал своей задачей основание Церкви, но при этом называл своих последователей друзьями... «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего». (Ин.14.14–15)

От такого приглашения в друзья становится даже как-то

неловко. Что это за Церковь такая, Церковь друзей Бога... Совершенно невообразимы принципы, нравы и мировоззрение такой Церкви. А вот про Церковь рабов Божьих сразу все становится понятно безо всякого Катехизиса.

Так почему же Иисус стремился основать именно Церковь? А потому, что только Церковь способна обеспечить евангельскому Откровению образ истины. А осталось бы Евангелие просто книгой, то изучение этого «сборника палестинских сказок» было бы сейчас уделом немногочисленных специалистов по древневосточной литературе. Почему, например, легенды и мифы древней Греции не становятся основанием для Церкви? Да потому что нет в общественных традициях представления о том, что мир устроен именно так, как описывается в этой книге.

Стремление Христа основать вероучение, – это стремление сохранить и донести до нас истинное представление о самых значимых для нас принципах бытия. Или Спаситель основал Церковь для того, чтобы Ему поклонялись?

Проблема достоверности вероисповедания – это проблема достоверного представления о системе ценностей Бога, а не обряда, традиции, или даже имени Создателя, которого у Него и быть-то не может.

Кстати, об имени Бога... когда прадед французского певца Филиппа Ярусского эмигрировал из революционной России, то при пересечении границы он представился: «Я – русский». Так, в силу непреодолимого языкового барьера, его в

документах и записали. То же самое произошло и с именем Бога, после того, как Он представился патриарху иудаизма «Я – Сущий», то есть, тот, кто только и обладает онтологически самостоятельным существованием. Так Бога в Его в документах и зарегистрировали.

Вспомним ветхозаветные заповеди...

1. Я Господь, Бог твой...
2. Не сотвори себе кумира...

А кто такой этот «Я»? Для понимания этого «Я» необходимо достаточно полное, достоверное и внятное представление о личности Бога. А личное местоимение «Я» нам ни о ком не говорит. Это «Я» может быть написано про кого угодно, хоть про беса.

Если нет образа божьего, такого же ясного как образ хорошо знакомого нам человека, то нет для человека и Бога. Так же как нет для нас человека, про которого мы только и знаем, что его зовут Вася. Хотя об этом неведомом Василии мы априори кое-что знаем, а вот о некоем метафизическом существе, представившемся как «Я», мы не знаем ничего.

Человек исповедует не Бога, а те представления, которыми человек наполнил Его образ, поэтому Бог, это всегда Бог языческий (фольклорный). Представление о Боге – это всегда продукт устного народного творчества, за исключением того Бога, который открылся нам в Евангелии. И одна из причин неверия во Христа заключается в том, что нравственно больной человек не способен поверить в то, что «вы-

сокомерный и мстительный Тиран» может быть таким.

После второй ветхозаветной заповеди уже складывается впечатление, что Господь не просто тщеславен и властолюбив, но тщеславен и властолюбив ревниво. А если перевести текст этой заповеди проще: «не сотвори себе святыню». И тут же становится очевидно, что вторая заповедь предназначена не для «поганых язычников», она предостерегает христиан от превращения предметов, человек и прочих «носителей благодати» в религиозные ценности. А в Церкви буквально все становится кумиром, начиная от трупных тканей и до «святой земельки» со святого места. Церковь битком набита кумирами. Бог не ревнует человека к этой мертвечине, но судя по отношению Христа к евангельским обрядоведам, Ему наверняка обидно за человека, который благоговейно играет в свои «святыне» бирюльки вместо того чтобы делать данное ему в Евангелии домашнее задание.

Богословская традиция настойчиво отмечает, что созданный Богом мир Ему без надобности, потому что к Его дольству своим бытием (всеблаженству) ничего добавить невозможно, а значит, у Бога нет мотивации что-либо создавать. На вопрос же о том, для чего Господь все-таки создал человека, догматика утверждает, что только лишь для того, чтобы человечество Его нахваливало (славило), причем вечно и непрестанно. Какая-то пошлая, если не сказать богохульная, гипотеза. Богу, что ли, льстецов и комплиментов для полного счастья не хватает?

И если теологам больше всего хочется славы и наслаждений, то совершенно логично с их стороны в первую очередь догматизировать в образе Божьем состояние вечного кайфа (всеблаженства) и вечного прослушивания славословий в свой адрес. Для богословов, которые так и не поняли зачем Бог создал человека, тезис «Бог есть Любовь», это – дежурная лесть Злому Тщеславному Начальнику. Эти богословы сами никого не любили, принимая за любовь свое лукавое раболепие перед вселенской Властью. Они и Бога создали по образу и подобию своему.

Бог – есть Любовь. А что это за любовь такая, которой наплевать на то, что никто не радуется бытию, потому что никто не существует? Как Любовь может не поделиться радостью бытия? Она непременно сделает это, даже если это потребует от Неё выхода из зоны комфорта (всеблаженства). Создав человека, Господь просто поделился радостью бытия.

В книге Бытия каждый день творения подытоживается словами: «и увидел Бог, что это хорошо». Человек, которому креативные радости неведомы, просто не способен понять, о каких таких эмоциях идет речь в этой фразе. Появление из небытия красот и смыслов в процессе творчества само по себе содержит массу позитивных эмоций, и иногда очень сильных.

Почему догматика приписала Богу только мотивации тщеславия в Его созидательных трудах? Ведь таких мотиваций у Него в принципе быть не может. Как бы там ни было,

но тезис «Бог – есть тщеславие» мы отмечаем, а заодно с ним отмечаем и сонмище ангелов, которые якобы вечно поют Богу хвалебные песни вокруг его престола. (Это ж насколько тщеславным человеком надо быть, чтобы предположить, что Богу такой бесконечный дурдом может быть люб.)

Стремление богословия польстить Богу с такой беспредельностью, с какой это только возможно, заводит его в разные логические тупички, а может, как видим, приводить и к догматизации богохульных предположений. Уверенность Церкви в том, что для Бога нет ничего слаще лести, такова, что даже понятие ортодоксии (правомыслия, правоверия), в переводе на русский как-то странно подменилось понятием православия. Это самоназвание подразумевает, что та Церковь, которая нахваливает Бога лучше всех, собственно и является богоугодной.

Если кому-то кажется, что Господь имеет полное моральное право быть охочим до лести честолюбцем, то он подсаживает на престол божий совсем другого персонажа. Благодеяние перестает быть благодеянием, когда благодарность за него вменяется в обязанность. Благодарность – это веление совести, и никто не имеет морального права требовать её, потому что это безнравственней, чем сама неблагодарность.

А ну как конец света не сегодня-завтра, и богословская традиция верна, тогда ж не останется у человека ничего, кроме пения акафиста Иисусу Сладчайшему на протяжении вечности. Как представляю себе такую картину вечности, так

сразу возникают крамольные мысли о предпочтительности ада. Сервис исламского рая хотя бы предлагает праведнику вечные шашлыки с вечным вином и вечными резиновыми девственницами. . .

Если нет ответа на вопрос о модели бытия в Царствии небесном, то не надо хотя бы примитивные идеи догматизировать. Господь создал мир с феерической изобретательностью, просто мы немного попривыкли к этому невероятному чуду. Человек только начинает осваивать мир и познавать человека населяющих его. А про «обитатели», которых, как известно из Евангелия, у Бога много, нам вообще ничего не известно. Богословие же всё норовит подвести эсхатологическую черту под бытием, под временем, под жизнью и развитием человека, под домостроительными планами Божьими.

Зачем Богу наша моральность

Человеку сложно принять достоверность Нового Завета не только из-за описанных в нём чудес, но и потому, что нравственная высота явленного образа Божьего представляется ему абсурдной. Как может управлять вселенной «кроткий и смиренный» Бог, рождённый в хлеву? Что это за власть над миром, которая «тростинки надломленной не преломит»? И что это за сила Божья, которая только «в немощи человеческой» и способна вершиться? Возникает ощущение некоего лукавства в евангельском образе Бога.

А дело в том, что в задачи домостроительства Божьего и не входит владычество над людьми по образу и подобию власти человеческой. Много ли мира, порядка и социальной гармонии принесли власти человеческие? Они лишь предотвращают превращение нашего мира в ад, где в условиях безвластия безраздельно господствовало бы право силы, потому-то главной функцией государства и является её монополизация. Но даже Господь со всем своим могуществом не способен привести к счастью сообщество людей злых, жадных, беспринципных, лицемерных, самолюбивых, подленьких, жестоких, эгоистичных, бездушных...

А сообществу людей добрых, совестливых, честных, терпеливых, великодушных и власть никакая не нужна, они и так прекрасно поладят. Вот таким сообществом Господь и

намеревается руководить, а вовсе не сообществом фанатиков-обрядоверов, как думают некоторые. Праведность (евангельская) – качество сугубо функциональное, призванное сохранять мир и согласие любого сообщества, а не какая-то там прихоть Господня. Бог вообще очень рационален, просто мы плохо понимаем логику его домостроительства, оттого богословская традиция и преисполнена благочестивыми, но нелепыми суждениями, типа... «верую, ибо абсурдно».

Если бы для Бога было значимо наше досконально верное представление о Нем, то Он пришел бы к нам с учебником догматики. А если бы для Бога был значим обряд, то Он пришел бы к нам с учебником литургики. А если бы нам следовало иметь верное знание о мироустройстве, то Иисус пришел бы к нам с учебником естествознания. Но Он пришел к нам с учебником нравственности, исходя из этого и следует делать выводы об аксиологии Бога, и строить теологическую систему ценностей.

Предметная полнота евангельского нравственного кодекса, как универсального закона гармонии мира человеческого, ставит христианство отдельно от прочих верований. И никакое иное небесное могущество, и никакая иная мистическая премудрость не способны привести человека к гармонии с миром в обход нравственного (евангельского) закона.

Если Господь действительно есть Любовь, то только тогда у человека появляются основания полагать, что в основании бытия заложена совершенная гармония. И все мы движемся

к ней, пусть криво и медленно, тяжело и неосознанно, падаем и выбираемся из ям, не все видим и не все понимаем в путях Господних, не понимаем даже того, что у нас под носом, чего уж там о дальних и горних перспективах бытия говорить...

Если же Господь не является совершенным воплощением нравственного закона, то тогда исчезает всякая надежда на возможность устройства мира по законам братства, любви, согласия, справедливости и свободы. И если новозаветный образ Бога выглядит странно в соседстве со своим жутковатым языческим прообразом из Завета Ветхого, то это вина нравственно не очень здоровых и не очень мудрых человек, «скрестивших» легенды и мифы Ближнего востока с новозаветным Откровением.

Если Бог не является нравственным абсолют, то тогда основанием для авторитета Бога будет являться только Его право силы. Но право силы – это в буквальном смысле ничто в сравнении с моральным авторитетом. Исповедующие господство Бога поклоняются силе в надежде польстить ей своим раболепием, и тем самым добиться ее благосклонности, тогда как евангельский авторитет Бога утверждается Его самоотверженностью, великодушием, смирением и добротой. Вот и от нас Господь ждет того же, а не лести и раболепия.

Единственным препятствием на пути построения Царствия Небесного является человеческий эгоизм, гордыня, гнев, алчность, бесчеловечность и т. п., потому что эти каче-

ства разрушают гармонию любого сообщества. Всё остальное мироустройство для Бога не составляет труда, но обращение свободной воли к мирному, нравственному, евангельскому характеру зависит только от неё самой. И дело это не простое, долгое и трудное.

Царствие небесное – это не клерикальная диктатура, а братство – совершенная форма социального устройства. Совершенный миропорядок не может быть основан на страхе перед осуждением и наказанием, как это принято в нашем, нравственно нездоровом мире. Совершенная социальная гармония совершенного бытия может быть основана только на высоте нравственных (евангельских) качеств всех членов сообщества. И что принципиально важно, евангельский кодекс должен быть органично присущ характеру человека. Потому что лицемерная добродетельность, порождаемая страхом перед осуждением и наказанием, исчезает по мере того, как человеку становится нечего бояться.

Недружественных (греховных) проявлений существует столько же, сколько существует ситуаций в человеческих взаимоотношениях, поэтому на каждый грех по заповеди не напишешь, поэтому нравственно совершенных человек и не бывает, но мелкие нравственные промахи людей добрых, терпеливых и великодушных могут легко сглаживаться добротой, терпением и великодушием окружающих. Таким вот нехитрым социальным механизмом и обеспечивается мир, любовь и согласие в Царствии небесном, и что принципиаль-

но важно, безо всяких правоохранительных институтов.

Если евангельский закон предназначен для поддержания мира и согласия между людьми, то грех – это, такое волеизъявление, которое мир и согласие между людьми разрушает. Грех (зло) – это волеизъявление, направленное на поприще, или пренебрежение интересами и чувствами других людей, в стремлении удовлетворить личные интересы, желания и амбиции. И если заповедь Христова о любви к ближнему действительно включает в себя весь Закон, то и приведенное выше определение греха является столь же полным. Интересно также отметить, что знаменитое медицинское «Не навреди» является достаточно полным определением нравственного закона.

Нравственное (евангельское) совершенство характера – это важнейшее направление человеческого развития. А следовать этим путём возможно, только если все наши волеизъявления будут проходить контроль совести. Ориентироваться в своих проявлениях на мнение окружающих никто и никогда не забывает, а как дело доходит до контроля совести, так тут сразу начинаются сетования на трудности процесса.

Если недоразвитая и подслеповатая совесть чего и не понимает, то ей всегда в помощь евангельские тексты. Рассмотрим принципиально значимый для понимания спасительности евангельской морали сюжет о благоразумном разбойнике... «Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убий-

ство» (Мк. 15:7).

«Во время мятежа». Мятеж. Но мятеж – это отнюдь не разбой, да и не потащили бы незадачливого разбойника из пустыни к Пилату, его на месте преступления и прикопали бы, руководствуясь купеческим правосознанием. А кроме того, римские префекты не занимались провинциальным криминалом, они рассматривали только преступления против Рима. Вспомним, что и Христа казнили по политической статье за претензии на власть над римской провинцией.

По всей видимости, Варавва и его сообщники были сикариями – боевиками партии zelотов, боровшихся с римской оккупацией. А вот среди еврейских партизан вполне могли быть люди не только злые и язвительные, как «неблагоразумный разбойник», но и благородные, самоотверженные, готовые отдать жизнь за свободу Отечества и посочувствовать «ближнему своему» даже во время своей казни. Так что «благоразумный разбойник» первым вошёл в рай не по благу за компанию, и не из-за какого-то там магического очищения, как учит Церковь, но лишь потому, что его нравственное состояние было достойно этого.

Превратное (традиционное) толкование сюжета о благоразумном разбойнике разрушительно для вероучения потому, что если головорез, для которого грабежи и убийства – норма жизни, может войти в рай, просто признав Христа, то такой прецедент открывает широкую каноническую дорогу для упований на возможность спасения подонков путём

исполнения формальных, обрядовых действий вплоть до совсем уж нелепых, таких как, например, покупка индульгенций. Ложное толкование сюжета о благоразумном разбойнике утвердило формальную близость к Церкви как фактор абсолютной спасительности, и нанесло страшнейший удар по представлениям о спасительности доброго (евангельского) нрава.

И чем же Господь ответит на упования таких обрядовцев... «Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: „Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?“ И тогда объявлю им: „Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие“». (Мф 7:21–23)

«Беззаконие». А какой такой закон имел в виду Спаситель? Может закон книжников и фарисеев? Или православные каноны и уставы? Или уголовный кодекс? Или всё-таки нравственный (евангельский) закон? А может ли прославленный пророк и чудотворец быть по евангельским меркам подленьким и лицемерным негодяем? Если верить словам христовым, то запросто.

Так называемая любовь к Богу

«Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: „возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим“: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: „возлюби ближнего твоего, как самого себя“. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.22:36–40).

Но, как известно из евангельских пояснений Христа, любовь к Богу заключается в исполнении евангельских заповедей, то есть заповедь о любви к Богу в самом буквальном смысле означает то же самое, что и «возлюби ближнего». А почему весь закон Божий умещается в одной заповеди о любви к ближнему? Не потому ли что в этой заповеди заключается всё, что обеспечивает мир, согласие и социальную гармонию любого человеческого сообщества, ту самую евангельскую любовь, которая только и возможна во всеобщей, взаимной и чистосердечной благожелательности...

Ну а в чем должна выражаться любовь к Богу, по мнению человека? В раболепии и поклонении? В прилежном соблюдении обрядовости? В хвалебных песнопениях и жертвоприношениях? В ритуальных почестях Богу и в презрении к иноверцам? В следовании обрядам и традициям своей церковной организации? А в Церкви, которая объявлена безблагодатной такая любовь к Богу засчитывается? Как по мне, так

такая «любовь» лишь позорит Бога, хоть и не по злему умыслу, но по языческому, холопскому простодушию.

Чем фанатичней обрядовер «любит» Бога, тем сильнее он презирает тех, кто не следует путем его страсти. Мало что принесло человечеству столько зла как «любовь к Богу». Потому что бессчетно совершаемые именем Божиим изуверства, подлости и лукавства не требуют даже оправданий, ибо вершатся они как бы во славу Божию, но на самом деле во имя интересов церковной организации и гордыни религиозных фанатиков, которые искренне полагают, что если Бог есть, то им всё позволено, «ибо с ними Бог».

Бог – идеальная ширма для зла, подлости и лукавства человеческого. И люди во все века без зазрения совести использует эту ширму, хоть и не со зла, а просто из-за гордыни богоугодности, если конечно гордыню богоугодности (в православии – прелесть) можно считать добром.

Вот, например: «Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями» (Ин.8:3–5)

Ну ладно, муж в состоянии аффекта может и прибить такую жену, если застучает. Но как посторонние люди могут забивать незнакомую женщину насмерть? Да запросто! Они ж полагают, что помогают Богу в борьбе со злом.

И если вам кажется, что эти изуверские нравы ушли да-

леко в прошлое, то вы ошибаетесь. Теперь «великие учителя нравственности» забивают камнями целые страны, политическое устройство которых они объявляют безнравственным (недемократичным). А миллионы фанатиков, для которых клеймо недемократичности равнозначно законности смертного приговора, радостно аплодируют истреблению общества, устройство которого объявлено первосвященниками демократии несправедливым.

Принципиально важно, что превосходство «цивилизованного мира» представляется в данной ситуации именно нравственным превосходством, именно нравственным правом на военное принуждение «дикарей» к праведному устройению государства. Количество жертв военной демократизации исчисляется порой сотнями тысяч жизней. Так что булыжник, как оружие праведности, востребован и по сей день.

А чем тот случай с женщиной закончился? «Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин.8:11). Учителя Церкви решили казнить женщину, а Бог лишь попросил ее больше так не делать. Зато этих самых учителей праведности Господь поносил последними словами за их так называемую «добродетельность».

Справедливости ради следует отметить, что прелюбодение весьма разрушительно для мира и согласия, оно может и до смертоубийства довести, может еще и детям аукнуться. Но даже если «никто ничего не узнает», то и тогда человеку придется всю жизнь жить во лжи. Потому распутство и

безнравственно, а вовсе не потому что седьмая заповедь не велит. Но, когда записные праведники замышляют зверское убийство, то тут уж, знаете ли, и Богу не до адюльтеров.

Конфессиональная гордыня, присвоившая авторитет Бога и право действовать от Его имени, самопревозносится до небес и уже ничем не может быть ни опровергнута, ни сокрушена, ни даже смягчена. Она необратима, и не лечится ни совестью, ни покаянием. Кто ж будет раскаиваться в своей конфессиональной богоизбранности, в самой правильной и верной «любви к Богу»? Конфессиональная гордыня на словах служит Богу, но по духу это чистый сатанизм, лукавый, злобный и самодовольный.

Не следует думать, что евангельская критика прелести иудейской обращена исключительно к евангельским законникам, это предостережение всем христианам, в которых заповеди человеческие всевают гордыню богоизбранности и делают их точно такими же самодовольными законниками. К заповедям человеческим Господь относится отрицательно не потому, что Он не любит религиозную мифологию и этнографию, но лишь потому, что они заняли место его заповедей, и уводят человека от Бога, от праведности и от спасения.

Как обычаи чужого вероисповедания представляются нам нелепыми и бессмысленными, так и Господь снисходительно смотрит на всю нашу обрядовость как на шаманские танцы с бубнами. Бог есть Бог Евангелия, и никакого отноше-

ния ни к православной, ни к католической, ни к протестантской традиции вероисповедания Он не имеет. Он их только терпит, да и то, похоже, с трудом. Осторожней следует быть с гордыней конфессиональной богоугодности, истинности и превосходства, ибо построены они на песке самопревозношения. И как видно из приведённого выше Евангельского эпизода, праведность богоизбранных может легко оказаться натуральной бесовщиной, а «смертный грех» – всего лишь некрасивым поступком.

Мотивации веры в христианской традиции подразделяются на веру раба (из страха), веру наемника (за вознаграждение) и веру сына (по любви). Хотелось бы дополнить этот перечень еще одной мощной религиозной мотивацией – гордыней, гордыней исключительной богоугодности своей конфессии. А это уже традиция бесов, которые как известно тоже веруют. Именно гордыня конфессиональной исключительности видит правду Божию в любом зле и лукавстве, служащем интересам церковной организации.

Чтобы добрый человек стал злым, он должен принять своё вероисповедание как верный признак богоугодности. И шахид, и инквизитор и любой другой религиозный фанатик полагает, что действует из любви к Богу. Но любовь к Богу обнаруживается только в любви к ближнему, так Спаситель учил.

А каковы мотивации у «детей» веры? Что за любовь к Богу у этого человеческого типажа? Как можно этих самых

«детей» охарактеризовать? Есть среди христианских чинов святости такой чин как блаженность. Вот, пожалуй, блаженненькие и есть те самые дети, немного простодушные с точки зрения обычной человеческой прагматичности, хотя эти простаки запросто могут быть и блестящими интеллектуалами. «Дети» органично пребывают в слове Божьем, что и накладывает на человека некоторый отпечаток наивности. Простодушие – верный признак евангельской высоты. Блаженненькие – это очень редкий типаж в нашей жизни, но блаженность в той или иной степени нет-нет да и просвечивает в человеках.

Некоторые полагают, что заповеди блаженства это и есть свод новозаветных заповедей. И это очень душевредное суждение, ибо новозаветные заповеди присутствуют едва ли не в каждой евангельской цитате Христа. Заповеди же блаженства – это скорее утешительное слово «детям», которым бывает очень трудно нести свою нравственную высоту не то что по жизни, но даже и в Церкви.

Заповеди блаженства как раз и представляют собой развернутый психологический портрет детей веры. А намерение подражать блаженненьким – это бесплодное и нелепое намерение, ибо блаженность слишком высока для этически туповатых «рабов и наёмников». И гордецы веруют, и лицемеры, и фанатики, и «дети». Вот и будет каждому по вере его.

А спасительна ли религиозность для обрядовера, который

упоен борьбой за торжество своего обычая? Да лучше бы он был атеистом, меньше было бы на нем греха, ибо кому меньше вверено, с того меньше и взыщется. Вера – это не пропуск в рай для книжников, законников и фарисеев, но напротив, это их бóльшая ответственность перед Богом, и отнюдь не по уставам Церкви, но по совести...

Заповеди Божьи и заповеди человеческие

Если Господь будет судить людей по евангельским заповедям, то какую ответственность при этом могут нести люди, жившие в обществе, где царило иное мировоззрение, или те, кто даже и не слышал о христианстве?

Апостол Павел разрешает этот вопрос следующим образом: «Не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2.13–16).

Но что такое «закон, написанный в сердцах», или как его иногда называют, «естественный закон»? Если предположить, что под естественным законом подразумеваются нормы поведения, относящиеся к общественной морали (приличиям, обычаям, традициям, обрядам, этикету), то тогда даже криминальный мир может рассчитывать на суд Божий по воровским понятиям. Принятые в том или ином сообществе поведенческие нормы не могут быть эталонными, хотя бы потому, что они переменчивы, противоречивы и социаль-

но ограничены, они если и содержат в себе некоторые нравственные требования, то только в самых необременительных и лицемерно-демонстративных формах.

Закон же Божий может быть только единым для всех, и не трудно предположить, что «закон, написанный в сердце» – это нравственное чувство, голос совести, который иногда даже называют голосом Бога, и который подсказывает нравственный выбор единообразно всем без исключения. Другое дело, что не все к голосу совести прислушиваются в равной мере, а некоторым удается его и вовсе задушить, но и людей совестливых, обладающих обостренным нравственным чувством тоже немало.

Если человек может обрести благоволение Божие следуя своему нравственному чувству, то это божественно справедливо, это ставит людей всех времен, народов и сословий в равные условия перед судом Божиим. Но тождествен ли естественный закон закону евангельскому? Да, тождествен. Данное утверждение требует весьма пространного подтверждения, а пока просто поверьте на слово апостолу Павлу и автору, который занимается этой проблемой четверть века.

Может показаться что «нехристи» не могут исполнять главную заповедь: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всей душой твоей и всем разумением твоим» (Мф.22:37–38). Но как любить Бога? Какого Бога? Тожественна ли преданность своей конфессии любви к Богу? Во всякой ли конфессии любовь к Богу истинна? А является

ли соблюдение уставов Церкви любовью к Богу? А является ли любовью к Богу раболепие перед Ним? Можно ли обмануться в методах своей любви к Богу? Вопросов возникает очень много. Хорошо, что Господь оставил нам ответ на все эти вопросы: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин.14:21).

Но заповеди Христовы – это исключительно нравственные заповеди, заповеди доброты, сострадания, великодушия, терпения, умеренности, скромности, совестливости... Ничего обрядового Спаситель не заповедовал, ничего такого чего не подсказало бы человеку его нравственное чувство. Тогда как вся обрядовая традиция «праведности» построена исключительно на «заповедях человеческих» как остроумно определил эти религиозные предписания сам Спаситель.

Потрясающее определение любви к Богу мы находим в Его описании Страшного суда...

«Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: „придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали мне есть; жаждал и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; Был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне“. Тогда праведники скажут Ему в ответ: „Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и

пришли к Тебе?“ И Царь скажет им в ответ: „истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне“». (Мф.25:34–40)

Заметьте, Господь опять назвал человекoв братьями. А что такого специфически христианского было в поведении этих простодушных, недоумевающих праведников? Среди которых очевидно будут и неверующие в прошлом люди. Где среди отмеченных Богом добродетелей исполнение богослужебных традиций? Так что не следует особо уповать на свою принадлежность к самому богоугодному обряду. А законникам, которые утверждают, что добродетель, которая вершится не во угождение Богу, добродетелью не является, на Страшном суде Христовом лучше помалкивать.

Нравственный кодекс христианства изложенный в Евангелии – это общечеловеческий и универсальный свод нравственных норм. Евангельские нравoучения не определяют набора действий необходимых для спасения, они обращены к совести, которая и должна давать нравственную оценку тому или иному нашему волеизъявлению, в той или иной ситуации.

Моральный же кодекс Церкви, как и моральный кодекс любого другого сообщества, это – заповеди человеческие, это – уставы, каноны, обычаи, этикет, приличия. И это было бы приемлемо, но проблема в том, что обряд и традиция претендуют на такую же поведенческую ценность, как и евангельские (нравственные) заповеди. Следует пом-

нить, что неприятие Христом законников обусловлена именно тем, что они уравнили ценность своего обычая с нравственным законом. И если кому-то кажется, что христианский обычай, в отличие от иудейского, богоугоден, то он не сделал из евангельского Откровения никаких выводов.

Господу нужен только евангельский нрав в человеке, и все. И в той мере, в которой Церковь этому способствует, в той мере она и богоугодна. Иудейский закон христианство отменило хоть он и прописан в Писании. Значит не всякое ветхозаветное слово следует принимать за прямую речь Бога? Мало ли какие ближневосточные суеверы, пребывающие в прелести, насочиняли Ветхий Завет. Или Сын Божий свои же заповеди и отвергал, отвергая закон иудейский?

Если сравнить 613 заповедей иудаизма с заповедями евангельскими, то легко обнаружить их коренное различие. Иудейские заповеди главным образом носят узко-этнический, узко-временной и обрядово-поведенческий характер. А если нравственно окрашенные правила в этом перечне и встречаются, то и они в большинстве своем носят характер ситуационно-частный. Справедливости ради следует отметить, что нравственные заповеди иудаизм всё же выделяет особо.

Евангельские же заповеди – это исключительно нравственные заповеди, заповеди всеобщие, универсальные, обобщающие в своей образности предельно широкий круг ситуаций. Отсутствие в Евангелии каких-либо обрядово-по-

веденческих предписаний служит безусловным свидетельством его божественности. А почему христианство не составило свода евангельских заповедей подобного иудейскому кодексу, составленному по Пятикнижию? Вероятно, потому, что тогда все правила и обычаи Церкви окажутся за бортом этого списка.

Нравственные (евангельские) законы мира, согласия и социальной гармонии не могут быть не то что отменены, но даже и подправлены. Потому что в принципе невозможно обеспечивать любовь в одном сообществе одними нормами, а в другом – другими. Я, разумеется, не имею в виду моральные приличия, утвердившиеся в том или ином сообществе, будь то воровские понятия, самурайский кодекс чести, придворный этикет, обычаи Церкви, или современные нормы политкорректности.

Почему иудейский обрядово-поведенческий закон, основанный на ветхозаветных заповедях, христианство отменило? А ведь это, казалось бы, самая важная составляющая Ветхого Завета! Значит иудейские обычаи ничего не стоили? Бог отменил свои собственные заповеди? А от Бога ли они были?

Никаких требований, кроме нравственных (евангельских), у Бога к человеку нет и быть не может, потому что дурные нравы – это единственное препятствие на пути домостроительства Божьего. Все религиозные предписания, выходящие за пределы евангельских заповедей, не имеют в гла-

зах Бога никакого смысла и ценности. И если мифологизированное сознание до нашей эры еще могло верить, что для Бога значимо, как и чем человеку следует стричь волосы, то для христианина такого рода заповеди должны быть просто богохульны. Родитель, конечно, может потребовать от ребенка носить прическу сообразную приличиям своего времени, но нельзя же на Бога проецировать столь нелепое самодурство. Или Бог действительно озабочен моделью нашей причёски и нашей одежды?

Судя по отношению Христа к закону иудейскому, одной из задач его миссии было освобождение иудаизма от того, что Иисус назвал заповедями человеческими. Увы, не сложилось. Верность ветхозаветным обычаям не позволила иудеям признать во Христе Мессию, а за демонстративное пренебрежение ими Сына Божьего, собственно, и подвели под крестную статью.

В свете вышесказанного довольно странно выглядит вот это заявление Христа из Нагорной проповеди: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все». (Мф.5:17,18)

Глагол совершенного вида, здесь это глагол «исполнить», означает завершение действия, то есть Спаситель пришел завершить исполнение ветхозаветного закона. «Пока не исполнится все». Что «все»? Если «все» исполнилось на Голгофе,

то это значит, что ветхозаветный закон исполнен и закрыт.

Нравственные же заповеди иудаизма Спаситель постарался поднять на новую высоту, что нашло отражение в Его известных противопоставлениях Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано древним... А Я говорю вам...»

Ну ладно, очистить иудаизм от заповедей человеческих не получилось, а удалось ли Спасителю освободить от них хотя бы христианство? Увы, хоть христиане закон иудейский и обнулили, но зато сочинили свой собственный, да еще масштабней ветхозаветного.

И первыми человеками, которые утвердили в христианстве заповеди человеческие, были апостолы: «Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать друг другу того, чего себе не хотите». (Деян.15:28–29) В этом апостольском завете, претендующем на исчерпывающую полноту, золотое правило нравственности как-то странно соседствует с ритуальной нечистотой мяса животного, погибшего от механической асфиксии, что может быть санитарным правилом, но отождествлять санитарные нормы с установлениями Божиими столь же правомерно, как, например, приписывать правилам дорожного движения их божественную нормативность. Хотя... это было бы и неплохо.

Все, чторосло на евангельском Откровении за 2000 лет истории Церкви, это продукт устного народного творче-

ства, и это было бы нормально, потому что Церковь не может существовать в пределах одной книги, даже если это божественное Откровение. Проблема в том, что все это созданное людьми сонмище преданий, кумиров, традиций, канонов, ритуалов, правил, законов, авторитетов, благоглупостей и суеверий, наполнивших Церковь, претендует на святость вместе с Евангелием. Все вероисповедание крутится вокруг этого христианского язычества, а доказательством его богоугодности якобы является Евангелие, в котором, кстати, ничего такого не написано, но зато написано о богоугодности пренебрежения к обычаям и «преданиям старцев».

В чем заключается разрушительность заповедей человеческих:

1. В рамках Евангелия все христиане едины и солидарны. Разрушение же единства Церкви обусловлено исключительно заповедями человеческими.

2. Заповеди человеческие уводят человека от Бога. Потому что «никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть».

3. Заповеди человеческие подменяют заповеди Божии. Например, если из Евангелия нам известно, что служение Богу – это служение ближнему, то служение Богу в человеческой традиции – это главным образом бесконечное выслушивание и вычитывание богослужебных текстов, которое кстати так же осуждено Спасителем в осуждении фарисеев,

любящих долго и демонстративно молиться.

Церковь не просто заболтала нравственный закон новозаветного Откровения своим преизобильным фольклором и обрядоверием. Церковь вообще отрицает самостоятельную ценность евангельской нравственности, противопоставляя ей понятие духовности, которое подразумевает исповедание суеверий, традиций, обычаев, представлений и ценностей религиозной организации. Так сложилось вероятно потому, что признание самостоятельной ценности нравственного (евангельского) закона обесценило бы значение Церкви с ее ритуально-магическими методами спасения.

Бог Евангелия истинен, но Он не православный, не католик, и не протестант, для Бога не существует еретиков потому что конфессиональные обычаи для Бога – ничто. Но фанатики заповедей человеческих готовы во имя своих традиций не то что инославного ненавидеть, но даже Сына Божьего убить. Вспомним, что и Сам Иисус был для евангельских законников еретиком, а христианство – сектой.

За 2000 лет Церковь обросла огромным количеством норм и правил, которые не имеют никакого отношения к заповедям евангельским. Нарушения этих правил, учрежденных людьми, объявлены грехами, и за их нарушения человеку должно стыдиться и каяться. Но праведность человеческая определяется только по евангельским заповедям, а не по правилам, уставам, традициям, обычаям и канонам Церкви.

Взять к примеру, хотя бы постный регламент Церкви... Человечество и так во все века жило скудно, а порой и голодно, не подло ли при этом еще добавлять людям дополнительные «кулинарные бремена»? Допустим, грекам еще можно как-то поститься, но как поститься, например, эскимосам, у которых и травинки-то нет? Если у тебя полная трапезная челяди, которая только и следит за постной круговертью и твоими гастрономическими предпочтениями, то чего ж не поститься. А как поститься, если у тебя даже дети голодные? Утешаться их постнической «праведностью»?

«Тогда приходят к Нему ученики Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» (Мф.9:14,15). И это даже не заповедь, это – пророчество, для которого и провидцем-то быть не надо, достаточно знать суеверные традиции человеков. Буквальное следование этим евангельским словам – это или вечный пост, или возвращение к постным традициям иудаизма, или пост в страстную субботу. Но нашлись новые законники, и теперь у нас 200 постных дней в году, теперь православные по жизни только тем и озабочены, чего им сегодня можно, а чего нельзя, как будто у нас других забот и тягот нет. Эти придуманные законниками «бремена» не просто порождают в христианине чувства вины и стыда за ненадлежащее их ношение, страшно то, что они вытесняют

нравственное чувство, подменяя совесть гастрономическими обязательствами.

Церковные правила, обычаи и традиции убивают нравственность. Где люди истово пристрастны к соблюдению заповедей человеческих, там выше градус гордыни «праведности». Например, православная готовность убивать и умирать за двуперстие – это уже такое зверство и беснование, какого не знало и самое дикое язычество. Совесть человеческая вырождается и погибает, когда заповеди человеческие занимают ее место. Ты послужи ближнему своему до последней рубашки, до последнего вздоха, вот это и будут твои вериги, твой обряд, твои бремена, твой подвиг, пост, крест и твое двуперстие.

Когда фарисеи выразили Сыну Божьему претензию за то, что тот не совершает ритуальное омовение перед трапезой, Он ответил им иронично: «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто». (Лк.11:41) Иисус Сам не исполнял и нам не заповедовал бессмысленных, обрядово-поведенческих норм. Потому что заставь дурака совершать набор действий, необходимый для спасения, так он от усердия и лоб расшибет, как это обычно и бывает у законников, верующих не в Бога, а в обычаи Церкви.

И все же... а почему Иисус с апостолами не постились? Да потому, что нет никакой добродетели в кулинарных регламентах. «Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его». (Мк 7:15) Иисус вообще ничего не говорил

о чревоугодии, один раз только попросил «не отягощать себя объедением, пьянством и заботами житейскими» (Лк 21:34). Церковь же не просто объявила «неположенную» еду грехом, но более того – грехом смертным, хотя пьянство в списке смертных грехов выглядело бы гораздо логичней. Чревоугодие можно было бы вменить в вину так называемому «золотому миллиарду», но люди, его составляющие, не дураки, они и не глядя на попов прекрасно понимают, к чему приводит привычка неумеренно жрать.

Языческая Церковь истинного Бога

Чего стоит вера, основанная не на понимании Бога, а на обряде и благочестивых суевериях? В кого верит раб, если он знает Бога только по примитивному изображению на доске? Рабская модель вероисповедания приумножает в человеке только обрядоверие и ханжество. Этот хорошо заметный синдром воцерковленности и отталкивает людей от Церкви, а вовсе не ее чистота и святость, как утверждают ее адепты.

Вера раба не смеет подниматься выше веры в посреднические услуги религиозной организации, которая и организует его спасение в соответствии с утвержденными обрядами и обычаями. И только такая вера устраивает Церковь. А кто говорит, что у него Бог в душе, тот поднимается на смех теми, у кого Бог во лжице.

Весь церковный механизм старается подменить веру в Бога верой в церковную организацию. Складывается впечатление, что в деле спасения ни от Бога, ни от человека ничего не зависит, но все в руках уполномоченных представителей Церкви. Отдаление верующего от Церкви обычно обусловлено тем, что он перестает уповать на обрядовую круговерть в деле спасения. Человеку, отходящему от Церкви, требуется гораздо больше веры в Бога, нежели человеку, держащему

муся за нее. Вот такой вот удивительный парадокс.

Православная Церковь утверждает, что она неизменна от апостолов и что в этом залог ее истинности. Чуть более ученые христиане понимают, что апостолы были правоверными иудеями, и что не было у них никакого закона, обряда и традиции помимо иудейских, но лукаво помалкивают, дабы не портить благостную картинку в воображении невежд. Если уж и говорить о том, какая конфессия ближе всех к апостолам, то это несомненно мессианские иудеи.

А есть ли в христианстве что-либо от Бога помимо Евангелия? Не является ли христианская Церковь точно таким же продуктом устного народного творчества, как и иудаизм? Вот, например, открываем «Закон Божий», и что мы там видим? А видим мы там закон человеческий, потому что закон Божий – о любви, совести, великодушии, смирении, об аскетичности, терпении, милости и прощении. А вот об этом, в так называемом Законе Божьем, вы ничего и не прочитаете.

Церковь с особой настойчивостью утверждает, что Евангелие не является моральным кодексом. Это происходит вероятно потому, что первенство нравоучительной составляющей Евангелия может потеснить с церковного престола обряд. Но для нравственного (евангельского) возрастания человека обряд бесполезен, что ставит церковную организацию в уязвимое положение. В целях самосохранения Церковь и определила для нравоучительной составляющей Евангелия факультативный характер. На первом же месте

опять обряд, традиции и «заповеди человеческие», все то, что так не любил Спаситель.

К Богу есть как бы два пути: нравственный и обрядовый. Нравственный путь – это приведение человеческого нрава к евангельским нормам. Нравственное условие спасения несомненно хотя бы потому, что евангельские заповеди носят исключительно нравственный характер.

Но в Евангелии иногда встречаются и такие утверждения, из которых делается вывод, что обрядовая составляющая спасения тоже существует. Вот, например: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). На основании этого и подобных утверждений делается вывод, что к Богу можно прийти только через Церковь, через её обряды и традиции. Разумеется, через обряды и традиции «истинной» Церкви, а не какой-то там еретической. Церковная практика худо-бедно старается обращать человека к нравственным идеалам Евангелия, но если почитать программные богословские документы о роли Церкви в деле спасения (сотериологию, экклесиологию), то мы увидим тексты исключительно про обрядово-мистическую роль Церкви в деле спасения человека.

Но если бы человека можно было сделать достойным спасения всего лишь ниспосланием на него благодати, то разве Господь промедлил бы хоть секунду перед тем, как сделать все человечество достойным спасения, просто снизойдя на

всех? Богословская традиция возражает на это, что движение Бога и человека навстречу должно быть взаимным. А как человек должен идти навстречу к Богу? Идти в церковь? Значит за пределами церковной ограды Господь бессилен?

Благодаря широкому хождению Предания, о спасительности доброго нрава известно всем. Что представляется справедливым даже человеку далекому от религии, потому что его нравственное чувство видит в этом справедливость. И если такой человек всего лишь старается не быть сволочью, то не через Христа ли он движется к Богу в этом случае? Но на возможность богоугодного нравственного возрастания за пределами церковной ограды Церковь реагирует очень болезненно, вплоть до утверждения, что добродетель, практикуемая не во славу Божию, добром не является. Хотя на самом деле ситуация обратная: именно внутрицерковная «добродетельность», обусловленная кнутом ада и пряником рая, стремлением выслужиться перед Богом, сделать запасы Духа Святого и произвести благоприятное впечатление на единоверцев, является лицемерной.

Вот что говорил на эту тему один преподобный: «Все не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет». В переводе на мирской язык это означает: «Какой смысл в добром деле, если тебе за него не заплатят». И богословие не видит в этом утверждении лукавого подлога, и восхищается этой премудростью. Не замечает подлога потому, что это лукавство льет воду на мельни-

цу церковной организации.

Добродетель ничего не стоит только без любви. Внешняя добродетельность может быть побуждаема множеством мотиваций, порой даже самых мерзких. Но в добродетели значима только любовь как побуждение к добру, та любовь, которую не видно и не слышно никому, кроме Бога. Полемика о спасительности добрых дел бессмысленна, потому что смысл имеет только полемика о мотивациях добродетели.

Нехристианина, обладающего евангельским нравом, Господь в одно мгновение и безо всякого труда обратит к истинной модели мира, просто открыв ее, это не проблема, но всему свое время. Да и христиане, пребывающие в плену бесчисленных благочестивых суеверий, с открытием истины, пожалуй, изумятся не в меньшей степени, чем атеисты. А вот лицемерного, своекорыстного и гордого фарисея, истово соблюдающего всю церковную обрядовость, Господь не в силах обратить к евангельскому нраву, при всем своем могуществе.

Допустим, что некие благодатные механизмы спасения все-таки существуют, но разве Господь пренебрежет участием человека высоких евангельских качеств только потому, что тот не принадлежит к «истинной» конфессии? На это священство может возразить евангельским заветом: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин.20.23). А не то же ли самое Господь говорил здесь: «Каким судом судите, таким будете судимы; и какою

мерю мерите, такую и вам будут мерить» (Мф.7.2)?

В иудейской традиции нет таинства исповеди и отпущения грехов. Евреи приносят покаяние лично Богу. Апостолы просто не могли истолковать слова Спасителя так же, как их толкуют современные экзегеты. Иисус напомнил апостолам о спасительности прощения, великодушия и снисходительности. Но для Церкви выгодней считать, что это Господь благословил священников самим определять, кому в ад, а кому в рай.

Если для человека его недоброе дело послужило нравственным уроком страшной педагогической силы, то разве это обстоятельство – ничто без отпущения грехов? А если священник прочитает над убежденным подонком разрешительную молитву, так подонок сразу становится чист как агнец? Не становится? Ох, что-то не так с этими обрядово-мистическими методами спасения...

Если богословие порой и вызывает насмешки людей мыслящих логично, то это лишь потому, что за долгие века своего господства Церковь разучилась отвечать за свои слова перед инакомыслием. Пустозвонства, благоглупостей и демагогии в богословской традиции было бы гораздо меньше, если бы за логикой Церкви во все века присматривали умные, язвительные оппоненты. А теперь в богословской традиции уже ничего не изменить. Шаг влево – раскол, шаг вправо – ересь.

Ниспослание Духа Святого на апостолов было действи-

тельно чудесным явлением. И дело даже не в нисходящих языках пламени, а в том, что робкое, растерянное стаде учеников вдруг превратилось в мощный, отчаянно смелый отряд проповедников, являющий порой даже и чудесные возможности. Но из чего видно, что апостолы, а тем более все поколения епископов обрели власть ниспосылать Духа Святого? Верить, что от Сына Божьего исходит Дух Святой – страшнейшая ересь. А то, что Он исходит от высокопоставленных церковных чиновников – это даже не предмет веры, это абсолютно твердое, догматическое убеждение, на котором зиждется представление об истинности Церкви.

В магических практиках потусторонние силы беспрекословно подчиняются воле, заклинаниям и манипуляциям посвященного человека (ну по крайней мере так гласят оккультные байки). И в сказках потусторонние силы рабски (именно рабски) подневольны своему хозяину. Вот и христианская традиция так же перенесла на Бога беспрекословную власть своих обрядов.

Христианская традиция не допускает того, что Бог способен послушаться заповедей человеческих, которые Он должен исполнять в строгом соответствии с человеческой обрядовостью, в соответствии с предписаниями богослужебных инструкций. И это представляется совершенно справедливым, ведь если ты правильно славилшь истинного Бога в истинной Церкви, произносишь правильные заклинания и совершаешь правильные манипуляции, то Бог просто обязан

исполнять то... исполнение чего невозможно проверить. Но если Господь никогда (ну... почти никогда) не исполняет и очевидного, не отзываясь даже на самые отчаянные мольбы, то с какой стати Он должен исполнять обязанности, которые предписаны Ему уставами обрядоверов?

Если «правильная» Церковь разрывает евхаристическое общение с «неправильной», и признает ее таинства безблагодатными, то получается, что и Господь обязан прекратить участие в обрядах этой Церкви в соответствии с распоряжением «правильного» Синода? А если Церкви помиряются, то Господь обязан возобновить отпуск благодати?

Ни о чем богословие не говорит с такой уверенностью, как о том, о чем человек ничего не знает, – о благодати, её присутствии и ее действии. Когда человек посещает концерты, музеи, ристалища, морги, кабинет директора, или читает стихи, то у него тоже меняется эмоциональный фон и иногда меняется очень сильно, но только в храме мистическая тревожность считается благодатью.

Для нравственного (евангельского) возрастания совесть гораздо полезней Церкви. Если у человека нет совести, то ему никакая Церковь не поможет. Посещая церковь, невозможно стать праведным, как невозможно стать шофером, посещая гараж. Но Церковь делает упор на некоем обрядово-мистическом возрастании верующего, потому что только через это можно утвердить ее исключительные права на спасение человеков, на её власть над робкими и корыстными

суеверами.

А благоприятней ли спасаться в Церкви? Вне всякого сомнения, но лишь потому, что воцерковление неизбежно предполагает нравственную работу над собой, переосмысление своего внутреннего мира, перемену в иерархии ценностей, а вовсе не потому, что в Церкви человека напичкают благодатью. Уверенность в благодатности обрядов, – это вера в рабскую зависимость Бога от заклинаний и манипуляций тех, кто уполномочен управлять Духом Святым.

Ну ладно, пусть человек путает мистическую тревожность с благодатью, но как Господь, «пренебрегающий своими церковными обязанностями», будет смотреть в глаза человекам обманувшимся в благодатности ритуалов? Тем, кто пришел в церковь из прагматических соображений – запросто. Но ведь в церкви есть и люди высокой, чистой и святой веры, их имен мы не знаем, но Господь узнает их по голосу молитвы в любой толпе. Не отозваться благословением таким людям со стороны Господа было бы просто неприлично. Разумеется, отозваться не в соответствии с обрядовыми предписаниями, но лишь так, как Он считает нужным.

В Церкви всякой твари по паре: и «блаженненькие» и злобные фанатики, и своекорыстные лицемеры, и не надо думать, что они равны раз они в одной конфессии. «По вере вашей да будет вам» заповедовал Господь и тем, и другим, и третьим. Каков человек, такова и его вера, таков и его Бог.

Вот если вдруг найдется такой человек, который никогда и

ничего не слышал о христианстве и прочитает Евангелие, то он не увидит в его содержании ничего кроме легенд и мифов Ближнего Востока. Понимание того, что в Евангелии описаны самые значимые для человечества аспекты бытия, может приходиться только через Предание, даже если это будут рассказы рыночной торговки, или брошюрка «Вестник атеизма», убеждающая читателя в том, что Евангелие – это сказки.

Предание – это информационная составляющая Церкви, накопленная за все время ее существования, начиная с догматики и кончая благочестивыми приходскими слухами. И даже апостольская миссия заключалась в том, чтобы основать Предание. Ведь апостолы посылались на проповедь, а не на административную деятельность. Посылались, чтобы Благая Весть не погибла на полках палеографов, изучающих раритетные литературные памятники народов мира. Прервется эстафета Предания, прервется и эстафета веры, а кроме Церкви хранить Предание некому.

Обожение. Не высоко ли человек мостится?

Необходимость следовать нравственному (евангельскому) закону обусловлена лишь тем, что «евангельское» поведение сохраняет мир человеческий в любви и согласии. Даже единство Святой Троицы обусловлено совершенством Их воли в любви и смирении. Именно нравственное совершенство Святой Троицы делает невозможными внутренние противоречия о Господе. Тринитарный Бог един благодаря своей нравственной (евангельской) высоте. По нравственному же принципу и человек приближается к Богу. Нравственное (евангельское) возрастание характера воли – это и есть процесс обожения человека.

Что человек... Даже если один из членов Святой Троицы будет злобным и гордым, то какой прок от его стопроцентного «генетического» родства? Тем более обычный человек, он если и преуспевает в некоем духовно-благодатном возрастании, но при этом останется лицемерным и самодовольным фарисеем без совести, то такой «святой» скорее отдаляется от Бога несмотря на всю свою церковно-обрядовую «святость».

Так что сначала нравственная (евангельская) высота, и только потом некое мистическое породнение с Богом (обо-

жение), если, конечно, такое возможно и необходимо. А если вдруг такое и вправду возможно и необходимо, то никакой проблемы для Бога в этом нет, если человек этого достоин по своим нравственным (евангельским) качествам.

Не бывает никаких иных способов улучшения человека, кроме нравственного (евангельского) возрастания заповеданного Спасителем. Однако богословие придумало еще один способ совершенствования человека – обожение. «Обожение – процесс уподобления верующего Богу и единения с Богом. Ипостасное соединение человеческого естества с Божественным. Совоплощение Христу и соединению через Него со Святой Троицей. Соединение человека с Богом, в приобщении тварного человека к нетварной божественной жизни через действие божественной благодати. Приобретение христианином по благодати свойств, которые присущи Богу по естеству».

Обрядовое освящение человека (если оно вообще существует) – это освящение лишь носителя человеческой личности. Это как освящение танка, а не танкиста. Но чего доброго может быть в освященном танке, если танкист пьян, зол и высокомерен? Однако, считается, что и волю человека можно очистить от зла обрядом, привести человека к святости с помощью ритуалов. А ключевую роль в процессе «очистки» играет так называемая оправдывающая благодать, якобы подаваемая в обрядах. Оправдывающая благодать, согласно учению, «дает человеку праведность, освобождает от греха, сни-

мает осуждение за грехи, очищает человека от грехов, уничтожает зло в человеке, превращает грешника в праведника».

Но зло является волеизъявлением. Зло – атрибут свободной воли. Вот из этого и надо исходить, когда возникает вопрос борьбы со злом. Изменение характера воли ко благу определяется бесчисленными и обычно даже незаметными личными, нравственными, волевыми предпочтениями, которые постепенно становятся характером человека – вот это и есть процесс обожения. А то – «освобождение», «очищение», «уничтожение». В богословии царят языческие, мифологичные, примитивные представления о добре и зле и их природе, а потому и возникают рассуждения о возможности какого-то волшебного очищения от зла извне.

Богословие торжественно декларирует, что Евангелие содержит две составляющие: вероучительную и нравоучительную. Однако нравственное богословие, как отдельная богословская дисциплина, появилось лишь в XVI веке в протестантизме, в русском же православии оно закрепились лишь в XIX веке. Вот такое отношение богословия к самой значимой составляющей Благой Вести. Стоит ли после этого удивляться тому, в сколь убогом состоянии нравственное богословие ныне пребывает.

Грех (зло) порождается категоричной, беспринципной предпочтительностью личных интересов, желаний и амбиций перед интересами и чувствами окружающих, пренебре-

жением к чужим интересам и чувствам. Но Церковь еще и таких «грехов» на человека понавешала, что, верно, и Господь на небесах ругается, как когда-то ругался в Иудее на законников и их «бремена». Вот от таких «грехов» и очищать не надо, они и так не считаются, так что просьба не беспокоиться.

Если Господь способен извне всеять в человека любовь, преобразить подленьких негодяев в благородных праведников с помощью благодати, так что ж Он медлит? Очистил всех, и в рай. Но насильственное изменение характера воли и системы ценностей человека (если такое вообще возможно) приведет к тому, что это будет уже совсем другой человек. Для того чтобы человек оставался собой, он всегда должен меняться сам, по своей воле. Человек должен сам изжить в себе всё недоброе, а без этого грандиозного личного волевого опыта нравственного преображения человек просто не может быть тем человеком, каким его задумал Творец.

«В чем застану, в том и сужу» – гласят апокрифические слова христовы, и это не про то, как хорошо человек «очищен», согбенно стоя под епитрахилью. Это про нравственное состояние характера воли человека здесь и сейчас. Для спасения значим только нравственный потенциал характера воли, значимо только будущее поведение человека, а не прошлое. Мы смотрим на дурные поступки своего прошлого, Господь – на нравственный потенциал человека в будущем. Но если человек в прошлом не заботился о своем нравствен-

ном состоянии, то и в будущем ничего доброго от него можно не ждать.

Если исповедь способствует нравственному росту, то это полезный костыль для хромой совести, но если исповедь – это дежурный ритуал «очищения» от греха, то упования обрядовеера не то что тщетны, они вредны, ибо вводят человека в заблуждение.

А вот еще в крещении человек якобы получает освобождение от грехов. Но крещение – это акт приятия христианской модели мира и большей ответственности за все свои дела, слова и помышления, ибо «кому больше дано, с того больше и взыщется». Крещение – это обязательство и ответственность, а не своекорыстная сделка с Богом. Но для интересов Церкви такая логика невыгодна. Церкви выгодно, чтобы человек думал, что за окропление водичкой он обретает у Бога особые льготы и преференции. Богу нужны христиане, Церкви – поголовье, потому и крестят несмышленицей.

Кстати, Иисус не был крещён (хотя бы потому, что не было во то время обряда крещения). Известный евангельский эпизод «крещения» описывает иудейский обряд твила, богословие которого перенесено на обряд крещения как под копирку. А вот как в евангельском тексте появились слова «крещение», «креститель» – это интересный вопрос. И одними трудностями перевода (а они тут действительно есть) этот казус не объяснить. Так что, кто хочет креститься христовым крещением, добро пожаловать в синагогу.

Реальные нравственные перемены характера воли – это дело сугубо личное, дело совести, нравственного чувства, дело каждодневного нравственного выбора, дело трудное, долгое и незаметное. Тогда как Церковь специализируется на волшебном очищении, волшебном преображении и волшебном обретении благоволения Божьего.

Но не существует и не может существовать никакого магического очищения от зла. От зла можно очиститься только, делая верный нравственный выбор всякий раз, когда он возникает. А эти нравственные распутья возникают в жизни человека непрестанно, едва ли не ежеминутно, если обращать внимание совести не только на слова и дела, но и на помышления, на тонкие рефлексии воли. И никак иначе человеку от зла не очиститься. Видеть свое зло «как песок морской» несложно, достаточно включить совесть в режим непрестанного контроля. Для убежденного подонка или церковного фарисея такое дело будет трудновато, но это только поначалу, пока не приобретется навык.

Единственный случай в истории человечества, когда человек по благодати породнился с Богом, произошел на Голгофе. На Голгофе человек обрел право не быть нравственно совершенным и оставаться при этом свободным, то есть, не лишаться свободы воли, отправляясь в шеол автоматически и навсегда. Но право не быть нравственно совершенным перед Законом отнюдь не подразумевает права быть моральным уродом перед Отцом.

Проблемность обожения (благодатного преумножения «талантов») заключается еще и в том, что благодатные дарования пойдут нравственно нездоровому человеку во вред, они лишь усугубят его гордыню. Но гордыня – еще не самый худший исход преизобильности талантов. Общеизвестен тандем гениальности и сумасшествия. Это соседство очень просто объясняется. Некоторые одаренные люди так много думают «о величии своего гения» и так много страдают от недостатка признания, что эти страсти погружают их сознание во все большую субъективность, вплоть до суждений, бредовость которых становится очевидной. Важно отметить, что наличие дара в данной ситуации необязательно, достаточно и того, что человек будет просто мнить себя носителем дара.

Вот к примеру подборка тематики бреда, которая отчетливо свидетельствует о том, что шизоидное расстройство является следствием гипертрофированной потребности в своей значимости, то есть из-за гордыни. Психиатрия не рассматривает мотивационное единство как единство этиологическое и нозологическое (а зря), поэтому употреблённое здесь понятие «шизоидное» следует считать частным медицинским мнением.

Тематика бреда показывает, какие именно сверхценные идеи о себе любимом разрушают сознание человека.

Бред притязания – больной явно преувеличивает свои достоинства, права и возможности.

Бред изобретательства – больной считает себя гениальным изобретателем, автором грандиозных научных открытий.

Бред реформаторства – больной считает себя гениальным политиком, он убежден в том, что знает пути преобразования общества, которые приведут человечество к идеальному социальному устройству.

Бред богатства – больные мнят себя обладателями огромных богатств.

Бред происхождения – больной считает, что его настоящие родители – высокопоставленные люди, или что он происходит из древнего знатного рода, и т. п.

Бред любви (синдром Клерамбо) – больной убежден, что его любит известный человек, или что в него все влюбляются.

Бред величия – убеждение в обладании огромной властью, распространяющейся на всю страну, планету и даже Вселенную.

Бред могущества – убеждение больных в том, что природные и общественные процессы протекают по их воле, их возможности воздействовать на окружающее неограниченны, беспредельны.

Антагонистический бред – все происходящее рассматривается больным как выражение борьбы сил добра и зла. В центре этой борьбы, имеющей обычно глобальное с точки зрения больного значение, находится личность больного.

Мессианский бред – больные считают себя посланцами бога, пророками, мессиями.

Вот и подавай после этого благодатные дары нравственно нездоровому человеку, он же сойдёт от этого с ума...

Механизм Искупления

Спаситель когда-то сказал о Себе... «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк.10.45).

В размышлениях о голгофской Жертве богословие не сумело дистанцироваться от мифологических традиций, в которых капризных и обидчивых богов задабривают жертвоприношениями. Никакой иной логики великого голгофского Искупления богословие не предложило. Вот и возникают закономерные вопросы. Кому Бог принес Самого Себя в жертву? Самому Себе что ли? Перед Кем Бог искупил зло человеческое? Допустим, вам не нравится, что собаки бывают кусачими – отдали бы вы своего сына на растерзание собачей своре, чтобы простить этих собачек? Ну полный же абсурд.

Нам Господь заповедовал прощать ближнего своего бессчетно и безо всякой сатисфакции, что же не позволило Богу самому простить зло человеческое просто так? Для того чтобы пойти на голгофскую Жертву, Богу нужны были очень веские и абсолютно рациональные причины, именно рациональные, а полагать, что воля Бога рабски подчинена всяким символическим условностям и ритуалам, пожалуй, даже богоулыбно. Можно просто верить, что рациональные причины были, но и понять то, какие же непреодолимые обстоя-

тельства могли заставить Бога пойти на такую невероятную Жертву тоже важно.

Все законы материи, по сути, являются законами нравственными, потому что имеют то же самое предназначение, что и непосредственно нравственный (евангельский) закон, – это поддержание гармонии мира, его равновесия, согласия и порядка. И ничто во вселенной, никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушало предписанные Богом законы бытия.

И если законы существования материи онтологически несамостоятельны, и поддерживаются только волей Бога, то вполне логично допустить существование вселенского Закона неукоснительности воли Бога. Ведь если, например, постоянная Ньютона хотя бы просто дрогнет, то масштаб вселенской катастрофы, которая последует за этим, страшно себе представить. А вот человек преодолел Закон Божий, преодолел, разумеется, не величиим своей природы, ума и воли. Просто Господь решил поделиться с обычным существом своим образом и подобием, и поделился, понимая всю проблемность этого шага. Из приматов детей божьих вырастить, шутка ли.

Зло человека не имеет таких вселенских последствий как изменение физического закона, но Закон есть Закон. Согласно Преданию, до Голгофы все люди после смерти автоматически отправлялись в шеол, в своего рода изолятор свободной воли. Вероятно, Закон таким образом реагировал

на попрание человеком предписанных ему норм нравственной безупречности. Примерно так же, как антивирусная программа автоматически отправляет вредоносные компьютерные программы в карантин, где они также утрачивают свободу воли.

И как же Господь вывел человека, неспособного быть нравственно совершенным, из-под Закона и из заключения в «изоляторе свободной воли»? Да просто взял и усыновил человека. Сыновство человека Богу осуществлённое во Христе вывело человека из-под Закона. Человек обрел право не быть нравственно совершенным перед Законом неукоснительного вселенского порядка. Но личная нравственная ответственность человека перед Отцом никуда не делась. Или, как сказал поэт: «Я ушел от закона, но так и не дошел до любви».

Для тех, кто не может поверить в непорочное зачатие, напоминаю, что это никакое не чудо, это обычное и распространенное в природе явление, называемое партеногенез. И хотя партеногенез свойственен для не очень высокоорганизованных существ, только до уровня птиц-рыб, но японские ученые проводили успешные опыты и на мышах. И не надо думать, что Бог беспомощней японских ученых. Инициирование деления «клетки», это для Бога пустяк, а не чудо. А вот то, что из клетки вырастает организм чудовищно сложной организованности – это никакое не чудо для сциентиста, ну как же, знаем, знаем, там же хромосомы, ДНК, РНК, гены

и двойные спирали всякие. Тут и дураку всё понятно.

Но сыновство – это не единственная форма родства человека Богу, осуществившаяся в Спасителе. Представьте ситуацию: отец и сын наблюдают за тем, как умные и добрые животные медленно и мучительно умирают от голода, и спасти их от голодной смерти возможно только плотью сына. И вот отец и сын принимают солидарное решение о том, что этот страшный шаг вольер сыну следует сделать. Сравнение, конечно, грубоватое, но дистанция между Богом и человеком примерно такая же, как между человеком и животным. Сыновство человеческое утвердилось в Жертве так же и нравственной высотой Человека, достигшей во Христе божественного уровня любви и смирения. И «нравственная высота» в данном контексте это не тошнотворно-патетическая пошлость, – это сугубо функциональное качество, определяющее практическую пригодность человека для бытия в Царствии небесном.

Злая воля невещественна, и потому кажется, что она не имеет не то что необходимости, но даже и возможности как-либо уравновешиваться. Но вполне вероятно, мы не все знаем о материальности злой воли, а равно о возможности и необходимости ее уравновешивания (искупления), которое было осуществлено на Голгофе. Мы же знаем, что элементарные частицы, из которых состоит материя, нематериальны, и не удивляемся тому что вся материя вселенной состоит из нематериального. Так может и о вещественности злой

воли нарушающей гармонию мира мы не всё знаем.

Бог нравственно совершенен хотя бы потому, что Ему ничего для себя не надо, Ему не перед кем самоутвердяться, материя функционирует сама по себе вечно и неизменно, вот Он и озабочен только благом носителей разума и свободной воли, как и подобает обладателю нравственно совершенной воли. И если мы этого не замечаем, то лишь потому, что нам благо подавай прямо здесь и сейчас и по нашему разумению.

Но не следует сетовать на беззаботность совершенной добродетельности Бога, которую Он легко может себе позволить в силу своего «служебного положения». Когда пришло время, Господь разделил участь человеческую с невероятной самоотверженностью. После Голгофы Господь обрел моральное право прямо смотреть в глаза всем страдальцам мира. После Голгофы Господь может просто показать человеку следы от гвоздей на своих ладонях и ответить: «А вот моя жертва во имя твоей жизни».

Хлеб Божий и хлеб человеческий

Средний класс, вероятно, уже подзабыл, сколь тягостна жизнь «от получки до получки» с непрестанными думами о пропитании. Мы также плохо себе представляем, как актуальна была проблема хлеба насущного для ближневосточной бедноты в начале нашей эры. Чудеса, творимые Спасителем во время оно, конечно удивляли народ, но когда Он накормил пять тысяч человек пятью хлебами, то Ему пришлось бежать в горы от восторженной толпы, вознамерившейся немедля возвести Его на царство. И восторг иудейского общества от близости продовольственного изобилия и всеобщей продовольственной безопасности можно понять.

Народ, прослышавший о столь перспективном чуде, начал подтягиваться к месту события. В поисках удалившегося Христа снарядили целую лодочную флотилию и поплыли на другой берег моря Тивериадского, куда отплыли Его ученики. Понятное дело, нельзя же упускать такого Царя. И вот нашли Его.

«Иисус сказал им в ответ: истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились... истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру.

На это сказали Ему: Господи! подавай нам всегда такой хлеб.

Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.

Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою?

Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек». (Ин.6:26,32–35,48–58)

Вот так неожиданно и совершенно логично родился образ Хлеба-Христа. Иисус вообще был необычайно поэтичным ритором. Но образность его речи была отнюдь не искусством ради искусства. Образность речи Христовой была

невольной реакцией на буквоедство законников иудейских, которые просто помешаны на букве Писания и доводят слово Писания порой до абсурда. Если бы Спаситель говорил протокольным языком, то тогда каждое Его слово стало буквой-дубиной в руках толмачей-солдафонов. А притчу, или поэтический образ буквально не истолкуешь, в образах важен дух послания, и это выбивает почву из-под ног книжников.

«Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают». (Мф.13:13) О преднамеренной образности речи Христа можно также судить по Его словам из прощальной беседы: «Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами». (Ин.16:25)

Христианская экзегетика истолковала все евангельские притчи и образы. Но вот слова о необходимости употреблять Христа в пищу почему-то приняты богословием в самом буквальном смысле. Спаситель, вероятно, хотел сказать, что человек должен напитаться смыслами Благой Вести до такой степени, чтобы она стала органичной частью его сознания, характера и мировосприятия, а не лежала бы позлащенным кирпичом на аналое.

Однако христианская традиция предлагает соединиться со Христом, используя Его в качестве еды. Буквальное понимание слов Христовых о необходимости поедать Его мясо утвердилось в Церкви, вероятно, потому, что Благою Вестью

всем сердцем, всей душой и всем разумением своим можно принять и без посредников. А вот за «волшебным эликсиром вечной жизни» верующие должны ходить на поклон к «монополисту», обладающему эксклюзивным правом на его изготовление.

«И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту. И после сего куска вошел в него сатана». (Ин.13:26–27) А возможно ли такое в Причастии? С самодовольными фарисеями, которые пребывают в прельщении своей богоугодностью такое несомненно происходит.

В иудаизме хлеб тоже использовался в богослужении. Иудейские учителя сравнивают обеденный стол с жертвенником в Храме, поэтому даже в быту употребление хлеба требует от евреев соблюдения множества законов и ритуалов. Но в застолье по случаю Пасхи у иудеев главное не хлеб без закваски, а воспоминания о том событии, по поводу которого они собрались. Потому и главным посылом последней Пасхи Христа являются Его заключительные слова: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк.22:19). А почему помнить столь значимо...

Всю новизну Евангелия Христос вкладывает в древний ритуал, который к моменту Тайной Вечери насчитывает уже более тысячи лет истории. Благословляя чашу с вином, Христос произносит: «...сие есть Кровь Моя нового завета», цитируя слова из книги Исход: «И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заклю-

чил с вами о всех словах сих». Если мы посмотрим богослужebные книги иудеев, то обнаружим там те же элементы службы, которые присутствуют в Литургиях Иоанна Златоуста или Василия Великого. И это отнюдь не потому, что святители были фанатами иудейских обрядов, а потому, что не было у апостолов иного обряда, кроме иудейского.

Хотя уже апостолы начали поновлять иудейскую обрядовую традицию. Вот, например, пункт из учения двенадцати апостолов (Дидахе): «Посты же ваши да не будут вместе с лицемерами, ибо они постятся в понедельник и четверг. Вы же поститесь в среду и пятницу». Как видно из того же источника, первые евхаристии, творимые апостолами в воспоминание о Христе, более всего напоминали традицию иудейских трапез, в отличие от нынешнего пышного церемониала, в основе которого лежит не очень приятный языческий ритуал поедания человеческого мяса, пусть даже и сокрытого под образом хлеба.

Не может Церковь существовать без обряда, ну и ладно, обрядовость – это приемлемо. Проблема лишь в том, что вера в магическое могущество обряда, в спасительность бесчисленных кумиров, традиций и суеверий подменяет внутреннюю нравственную работу. Невозможно служить Богу и обряду. Истинное богослужение – это не обряд, истинное богослужение – это служение тем, кому нужна наша забота, поддержка и участие, об этом в Евангелии написано, если кто подзабыл.

А благословляет ли Господь Чашу, если человек по-язычески ложно истолковал заповедь Христа о необходимости питаться Им? Я верю, что благословляет, но лишь таким образом, каким Он сам считает нужным, и лишь потому что слишком велики упования человеческие на это (ну неловко как-то обманывать этих простодушных и кротких человечков со скрещенными на груди ручками). А вот инструкции евхаристического богословия, предписывающие Духу Святому порядок и методику Его участия в ритуале, – это для Бога унижительная методичка от суеверов.

А если Бога и вправду надо кушать для спасения, то Господь вправе претворить любой кусок хлеба любому человеку, если человек этого достоин. Или Бог пренебрежёт достойным?